

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ИСТОКИ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЕКАТЕРИНБУРГ
УИФ «НАУКА»

Под общей редакцией Л. В. Уловой

Составление, вступительная статья,
примечания Т. А. Саламатовой

Истоки: Памятники древнерусской литературы/Составление, вступительная статья, примечания Т. А. Саламатовой.— Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.—150 с. (Домашняя библиотека школьника).

ISBN5-02-007349-0.

© Составление, вступительная
статья, примечание.
Уральская издательская
фирма «Наука», 1993.

Редактор В. Е. Каюкова
Художник А. В. Шатунов
Технический редактор Е. М. Бородулина
Корректор Г. Н. Старкова

АР № 020293 от 27.11.91 г.
Сдано в набор 14.05.93. Подписано в печать 29.07.93. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура академическая. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 8,52.
Тираж 60 000. Заказ 165.

620219 г. Екатеринбург, ГСП-169, ул. Первомайская, 91.
Уральская издательская фирма «Наука».
ИПП «Уральский рабочий». 620219, Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ 1372 г	11
Сказание о походе Олега на Царьград (пер. Д. С. Лихачева)	11
Предание о коне Олега (пер. Д. С. Лихачева)	13
Игорь и Ольга (пер. Д. С. Лихачева)	13
Принятие Русью христианства (пер. Д. С. Лихачева)	17
Поединок (пер. Д. С. Лихачева)	18
Сказание о Белгородском киселе (пер. Д. С. Лихачева)	19
О пользе книг (пер. Б. А. Романова)	21
Поучение Владимира Мономаха (пер. Б. А. Романова)	21
СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ (пер. Л. А. Дмитриева)	27
ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ (пер. Д. С. Лихачева)	28
ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (пер. В. И. Охотниковой)	36
ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (пер. В. А. Грихина)	44
ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ (пер. В. В. Кускова)	68
ДОМОСТРОЙ	80
ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА	88
СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ	137
КОММЕНТАРИИ	142

ОТ РЕДАКТОРА

Открывая новую книгу, ты вправе с первых же страниц узнать, зачем, о чем и для кого она написана. Расскажу тебе о серии книг для твоей домашней библиотеки, она так и называется «Домашняя библиотека школьника». Замысел серии родился не случайно. Помню уголок детства: я слушаю свои любимые сказки, легенды, рассказы; закрываю глаза — и становлюсь Василисой Прекрасной, Царевной-лебедью... Книги, множество книг! Одни — со стертой позолотой, другие — совсем новые, нарядные. Их приносил мой папа. Наша семейная библиотека началась с него, я хочу, чтобы в твоей семье тоже была библиотека, и пусть каждый собирает свои книги, а вечером, выбрав свободное время, вы в кругу семьи вместе читали бы любимые книги. Какое это удивительное, какое радостное чувство!

Общение с книгой требует большого труда души, работы над собой, труда читателя, а овладение культурой чтения приведет тебя к свободе общения с писателем, сделает тебя его собеседником. Серия «Домашняя библиотека школьника» предполагает собрание лучших произведений отечественной и зарубежной классики, современной художественной и публицистической литературы — прозы, поэзии, даст возможность приобщиться к духовной культуре, создаваемой веками.

Первая книга серии — «Истоки». Она составлена из книг древности, памятников древнерусской культуры. Часть из них писалась еще на папирусе, часть на бумаге костяными или деревянными палочками, либо перьями, лишь страницы «Домостроя» — детище начала книгопечатания. Имена многих создателей этих произведений неизвестны, но мы с ними кровно связаны, ибо они были нашими предками, нашими соотечественниками.

Вторую книгу составят сатирические произведения: юмористические рассказы, литературные пародии, фельетоны, эпиграммы «королей юмора» (так и будет называться этот сборник). История мировой литературы показывает,

что сатира, юмор особенно буйно расцветают в периоды общественных перемен, ведь смех помогает человечеству «весело расставаться со своим прошлым»: догмами, стереотипами — всем тем, что мешает становлению нового в жизни, более соответствующего духу времени.

У каждого поколения свой ритм, свой слух — исторический и социальный. То, что вчера казалось необычным, стало привычным сегодня, и наоборот. Впрочем, я отвлеклась от предмета своего повествования. Одна из книг нашей серии — собрание поэзии, большая поэтическая тетрадь. Стихи... Афанасий Фет, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Александр Блок... Мы никогда не прочтем их так, как читали современники поэтов.

Любишь ли ты читать стихи? Может быть, нет. А может быть, пишешь сам? За окном шумит непогода, гудят деревья, ты засыпаешь, любовно укрытый мамой, под «Буря мглою небо кроет...». Есть поэты дня, а есть поэты ночи. Поэтов ночи больше. Помнишь: «Пишу, читаю без лампы», «Ночь тиха, пустыня внемлет богу», «Ночью как-то вольнее дышать мне»... За что поэты так любят темноту, плач бурь, голоса мрака? Стихи, и в самом деле, вещь странная. Поэтический образ свободно соединяет порой самые разные и далекие явления по прихоти ассоциаций:

И вдруг откроешь землянику
Красней и слаще, чем весной.

У Афанасия Фета весной созрела земляника, а у Александра Блока:

И очи синие, бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Лев Толстой назвал эту поэтическую свободу «лирической дерзостью». Хочется, чтобы поэтические строки помогли тебе сделать открытия, привели к неожиданным прозрениям души.

Каждая книга серии — это встречи с писателями, поэтами, знакомыми тебе и неизвестными. Хочется надеяться, что эти книги смогут стать твоими спутниками и собеседниками в тиши библиотеки и в путешествиях, в походах, у костра. Конечно, за их страницами останется большое число интереснейших и достойнейших внимания произведений. Но мы надеемся, что в книгах этой серии каждый читатель найдет то, на что отзовется его душа.

В добрый час!

Говорят, что уже нет белых пятен на карте земного шара, но для каждого из нас они есть в нашем прошлом, давшем нам жизнь, определившем нашу судьбу. Чтение этой книги позволит вам преодолеть временное пространство и сделать интересные открытия. Как же читать эту книгу?

Древнерусская литература — понятие условное. Это литература — порождение древнего периода и Средневековья, семи столетий — 11—17-го веков. Это время привлекает сейчас к себе многих и многих людей самых разных специальностей. Оно влечет любого, кто задал себе вопрос, откуда он родом.

Вы, конечно, знакомы с традиционной концепцией древней истории. Вспомним:

— 10-й — начало 13-го века — Киевская Русь, объединившая Киевскую и прилегающие к ней земли: Новгородскую, Суздальскую, Ростовскую (эти времена представлены для тебя страницами одной из самых знаменитых летописей старой Руси «Повестью временных лет»);

— 13—14-й века — время великих движений народов; закрепленное в нашей истории как нашествие татаро-монголов (этот период отражен в «Слове о погибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Житии Александра Невского»);

— конец 14-го — 17-й века — становление и укрепление Московской Руси (мы предлагаем «Житие Сергия Радонежского», главу из «Домостроя» и «Повесть о Петре и Февронии»).

Сколько вопросов таят в себе эти времена! Вот хотя бы некоторые из них. Кто же все-таки правил Русью: пришлые для установления порядка издалика или же рожденные на ее земле? Киевские князья — это потомки Рюрика или же их династия началась с Игоря Старого (известна дата его смерти — 945)?

Или такой вопрос: было ли татаро-монгольское иго или же это нечто другое и следует найти точное определение этому историческому периоду? Читатель, должно

быть, знаком с точкой зрения ученого Льва Николаевича Гумилева, утверждавшего, что само понятие «татаро-монгольское иго» — это миф. По его мнению, «монголы пришли в страну, обессилевшую от междоусобных войн и неспособную сопротивляться, и прошли через нее стратегическим маршем, чтобы расправиться с половцами».

Вопросы продолжают: был ли Александр Невский названым братом хана Батия? При каких обстоятельствах был заключен между ними этот союз? И вопросы будут приходиться и приходиться, если вы будете задумываться. Но, пожалуй, нельзя спешить с выводами, читая нашу книгу. Ведь перед вами не научные источники, а памятники древней литературы. Коли это так, то и чтение должно быть особенным: вслушиваться в каждый звук (некоторые страницы просто хочется прочитать вслух), вдуматься в каждое слово, прочувствовать каждый образ, услышать голос автора, представить его облик, ощутить его дух, войти в мир ценностей прошлого. А вдруг произойдет чудо, и образы грозных князей, отважных воинов предстанут перед читателем как живые! Сила духовного зрения может вернуть к жизни эти образы, оставленные нам на память с помощью всемогущего слова.

Вот Олег, прозванный Вещим, прославившийся походом на Византию, оставивший щит на воротах Царьграда. Ведь есть какая-то тайная мысль повествователей, передававших эпизоды его жизни, какая-то бесценная мысль, которая делает все эти сказания о походах, коне, смерти князя значимыми во все времена. Может быть, она светится пессимизмом: всякому, вознесенному судьбой и избалованному удачами, грозит роковой конец. А, может быть, она проста и ясна, как материнское слово: не возносись, не будь самонадеян, не пренебрегай мудростью других. Эту тайную мысль поймет наш читатель, и тогда восстановится связь времен, а жизнь Олега, какой бы она ни была, обретет свой смысл.

А вот Ольга, княгиня Ольга, но она прежде всего жена Игоря, мать его детей (таков взгляд летописца на женщину). Сколько гимнов сложено русской женщине, а это один из первых. Красива, мудра, отважна, стойка в беде и горе, находчива, горда — все это об Ольге. Можно и по-другому сказать о ней: умна до коварства, беспощадна до жестокости. Как скажет читатель, обратившийся к этой книге? Может быть, так: рассказ о семье Ольги, ее муже, ее сыне Святославе, о ней самой — это своего рода предостережение жадным и неумным искателям

подвигов, воинской славы. Все будет потеряно: и богатство, и красота, и сила, и слава, но, самое главное, будет потерян покой в доме, будет разрушена тишина на земле. Не убийство, а жизнь — назначение человека, не казнь и расправа, а смирение, сочувствие, прощение. Ольга не смогла простить и, вероятно, потеряв душевный покой, в поисках опоры она и приняла христианство.

Князь Владимир, названный в былинах Владимиром Красное Солнышко, очень колоритная фигура. Летописец не жалел красок, описывая его пиры, его сладострастие, его жадность до жизни и ее утех. Но судьба Владимира полна резких поворотов: это и подвиги, и падения, это и духовный взлет. Владимир принял для Руси судьбоносное решение, обратив языческую страну в другую веру. Он открыл дорогу для возвышения своих соотечественников, но одновременно и создал почву для длительной и жестокой борьбы двух вер в душе каждого.

Мы предложили читателю определиться в круге ценностей прошлого. Сколько этих кругов, каков первый, каков следующий, какова их иерархия? Одни читатели почувствуют и увидят воспевание воинской силы и отваги, удивительного духа единства защитников земли Русской. Вслушайтесь в слова: «Все равно умерли и единую смертную чашу испили, ни один из них не повернул назад, но все полегли мертвыми». Скорбью и величием веет от этих слов. Останутся в памяти и слова хана Батыя, сказанные над телом убитого русского воина: «Если бы такой вот служил у меня, держал бы его у самого сердца своего». Другие обратят внимание на резкое неприятие коварства, глупости, жадности. Третьим западут в душу наставления Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, священника Сильвестра, которые видели достойное человека поведение в его способности подать просящему милостыню, помочь слабому, простить кающегося.

И все-таки: где же источник силы человека, в чем смысл жизни? Какой ответ дают нам древние книги? Человек прошлого обладал обостренным чувством земли Русской, за которую готов был голову положить. Он отличался особой гордостью, чувством собственного достоинства, которые и порождали стремление «беречь честь смолоду». Среди самых значимых ценностей человека тех прошедших времен был и сотворенный им мир и согласие со своими родными и близкими. И этот «большой» и «малый» мир объединяли дух, вера, жизнелюбие, жизнеутверждение. Так было. А как есть и будет? Мы снова пришли к вопросу.

У каждого времени свои песни. Читатель встретится с неизвестными жанрами. Летописание — ведущее явление в русской литературе того времени. Ни в одной другой литературе народов мира оно не играло такой большой роли. Летописи — это поистине бесценное богатство русского народа. Мы знаем имя составителя «Повести временных лет» — монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Ему давали очень высокую оценку знатоки древних летописей мира. Задача летописца — рассказать о том, что БЫЛО. Он вынужден держать свое сердце в узде, позволяя читателю самому делать выводы и заключения. Правда, порой он не выдерживает этого табу. Читатель заметит. Источниками для летописца были предания, легенды, эпические сказания, песни, связанные с памятными историческими лицами и событиями, а порой письменные источники, как русские, так и иноземные, и, конечно, впечатления очевидцев и самого составителя. Именно этим и можно объяснить отсутствие единого стилистического строя, что позволяет нам вычленять из текста отдельные относительно законченные картины жизни и давать им произвольные названия, отсутствующие в летописи.

Помимо летописания в культуре Древней Руси развивалась так называемая житийная литература. «Житие» — это рассказ о человеке, жизнь которого подавалась как образец, как идеал христианского поведения. Оно существовало и как чтение, и как часть церковных богослужений, т. е. прочитывалось вслух.

Вы имеете возможность познакомиться с несколькими образцами житийной литературы. Неизвестен автор первого «Жития», прославляющий воинский подвиг Александра Невского, славного защитника земли Русской от немецких завоевателей. Очень сжато и таинственно сообщает нам летописец о взаимоотношениях Александра с ханом Батыем. словно сам автор находится в каком-то смятении, но не может не верить в праведность поступков Великого Александра.

«Житие Сергея Радонежского» написано Епифанием Премудрым (обратите внимание на щедрость в добрых оценках наших предков). Жизнь и деятельность Епифания связаны с Троице-Сергиевым монастырем (это уже Московская Русь). Сергей Радонежский изображен как идеал церковного деятеля, способствовавший пробуждению русского самосознания, благословивший Дмитрия Ивановича на ратный подвиг с полчищами Мамаю. Как выразился Л. Н. Гумилев: «На Куликово поле вышли жители

разных княжеств, а вернулись оттуда жителями единого московского русского государства». Епифаний Премудрый выбрал свой стиль повествования — «доброслов», витиеватое, сложное, наполненное метафорами письмо, оно позволило ему углубиться в психологию героя, показать его неумемное стремление к нравственному самосовершенствованию.

«Житие протопопа Аввакума» написано самим Аввакумом, известным вождем русского старообрядчества, в промежутки от 1672 до 1675 г. «Живая речь» протопопа свидетельствует о даре писателя. Но его жизнь, напоминающая горящий факел, по-другому, пожалуй, и не может быть описана. Ради своих убеждений протопоп Аввакум пошел вместе со своей семьей на тяжкие страдания, а жизнь свою закончил на костре. «Огнепальный дух» его был источником его величия и одновременно страданий, опалы, гнева окружающих. На читателя, вероятно, произведут впечатления слова протопопа Аввакума: «Держу до смерти, яко же приях, не прелагаю предел вечных. До нас положено, лежи оно так во веки веков!» Создавая свое «Житие», протопоп Аввакум сделал вызов всей прежде существовавшей церковной литературе, ведь предметом его описания стала жизнь смертного человека, хотя и чувствующего свою силу и значимость, наделенного богом особенными дарами, но все же смертного. А каков язык этого «Жития»!

Произведения древнерусской литературы писались на церковно-славянском и древнерусском языке, понятном читающим жителям любого города — и Киева, и Новгорода, и Ростова, и Владимира, и Галича. В нашем сборнике представлены переводы древних памятников, сделанные уже в двадцатом веке исследователями литературы старого времени. Один из переводчиков — бывший преподаватель Уральского государственного университета Кусков Владимир Владимирович, внесший огромный вклад в дело изучения, сохранения и пропаганды древнерусской культуры.

Без перевода представлено лишь «Житие протопопа Аввакума». Мы оставляем за читателем право перевода этого произведения на наш современный литературный язык.

Необходимо дать некоторое пояснение по поводу страниц «Домостроя», произведения 16-го века, которому поклонялись «и муж, и жена, и дети, и слуги, и служанки». «Домострой» — книга, составленная из работ многих авторов, но 64 глава, представленная для чтения, — наставления,

написанные священником Сильвестром, наставником Ивана Грозного. Именно Сильвестр явился к юному царю «с видом пророка, — как писал Н. Карамзин, — и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою Царя легкомысленного и злострастного». Именно Сильвестр способствовал преображению Ивана: «сделался Иоанн иным человеком, обливаясь слезами раскаяния, просил силы быть добродетельным». Судьба Сильвестра, как и протопопа Аввакума, трагична. Иван Грозный спустя некоторое время расправился со своим духовным наставником, отправив его в уединенную Соловецкую обитель.

Древнерусская литература обретает в наши дни новую жизнь, ибо она становится могучим средством возрождения чувства национальной гордости, веры в неистребимость созидательной жизненной силы, энергии, нравственной красоты русского народа. Обращаясь к прошлому, осознавая его, мы, по словам А. И. Герцена, раскрываем смысл будущего, «глядя назад — шагаем вперед».

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ 1372 г.

СКАЗАНИЕ О ПОХОДЕ ОЛЕГА НА ЦАРЬГРАД

В год 6415. * Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд *, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам; и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить

мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полотска, для Ростова, для Любеча и для прочих городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно. И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви св. Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и переписут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, — сперва, пришедшие из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олег с мужами его водили в клятве по закону русскому, и клялись не своим оружием и Перуном их богом, и Волосом богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из паволок, а славянам полотняные». И было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, а славяне полотняные, и разордал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

ПРЕДАНИЕ О КОНЕ ОЛЕГА

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «Отчего я умру?». И сказал ему кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты еддишь, — от него тебе умереть!». Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов, и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?». Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?». И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и донныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

ИГОРЬ И ОЛЬГА

В год 6453. В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот:

если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Добрые гости пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?». Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля, с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье». И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокою. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идём, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли

их в ладе. Они же уселись величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, прикинув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?». Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и горели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устройю ему тризну». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

Начало княжения Святослава, сына Игоря в а. В год 6454. Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем», и победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремила с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что,

убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу, со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все наши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что де «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, и в третий раз мстила я, когда устроила тризну по своему мужу. Больше уже не хочу мстить,—хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи по стрехи. И так загорелись где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая

распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

ПРИНЯТИЕ РУСЬЮ ХРИСТИАНСТВА

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил (Владимир) и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы (Десятиной) и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал (Владимир) грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы,— одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе,— чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!». Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перуныя отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр и сошло там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже

взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил стенам: «Увы, мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие, и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

ПОЕДИНОК

В год 6499. Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город этот.

В год 6500. Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне (Днепра) от Сулы; Владимир же выступил против них, и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись

в стан свой, послал глашатаев по лагерю, со словами «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?». И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?». И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Есть ли муж? Вот наш готов!». Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выпустил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил печенежина руками досмерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ

В год 6505. Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов,— так как была в это время непрерывная великая война,— узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада

города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сядимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем уже от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?». И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня, и сделайте, то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы, или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодезь и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодезь и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодеце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что твориться в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодецу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ними к другому колодецу, и почерпнули сыты из колодеца и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те, и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодеца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все что было. И, сварив, ели князья печенежские, и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города во-свои.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Мудрость велика, как и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум и смысл я призвала. Страх господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя крепость. Мною цесари царствуют, а сильные пишут правду. Мною вельможи кичатся и мучители управляют землею. Я любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей. Кто ведь книги часто читает, тот беседует с богом или со святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем для души великую пользу.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

(отрывок)

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте изобильную, это ведь — начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, тот пусть не насмеется, а так пусть скажет: в дальнем пути, да на саях сидя, пустого он наговорил.

Встретили ведь меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Присоединись к нам, чтобы выгнать Ростиславичей и волость их отнять; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И сказал я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни клятвы преступить».

И, отпустив их (послов), взяв Псалтырь, с печалью раскрыл ее, и вот что прочиталось мне: «О чем печалишься душа? Зачем смущаешь меня?», и прочее. И потом я выбрал слова эти прекрасные и расположил их одни за другими и написал: если вам последние не любы, первые возьмите.

«О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, потому что я все открою ему». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо

лукавые будут истреблены, а богопослушные — те будут владеть землей. И еще немного — и не будет грешника; будет искать он места своего и не найдет. Кроткие же унаследуют землю и будут наслаждаться миром. Высматривает грешный праведного и скрежещет на него зубами своими; бог же смеется над ним и предвидит, что настанет день его (последний). Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы подстрелить нищего и несчастного, поразить правых сердцем. Оружие их поразит сердца их, и луки их сломаются. Лучше у праведника малое, чем богатства грешных великие. Ибо сила грешных сломится, укрепляет же праведных господь. Так вот грешники погибнут; праведных же милуя, он им подает. Так благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод я был и дожил до старости, и не видел праведника покинутым, ни детей его просящими хлеба. Всякий день раздает милостыню и займы дает праведник, и потомство его благословенно будет. Уклоняйся от зла, делай добро, ищи мира и гони (зло), и живи во веки веков». «Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то вода бы нас потопила».

«Помилуй меня, боже, ибо растоптал меня человек; всякий день нападая, угнетает меня. Попрали меня враги мои, ибо много нападающих на меня свыше». «Возрадуется праведник, и, когда увидит отмщение, руки свои омоет в крови грешника. И сказал ведь человек: «Если есть награда праведнику, значит есть бог, творящий суд на земле». «Возьми меня из рук врагов моих, боже, и от восстающих на меня отними меня. Избавь меня от законопреступников и от людей кровожадных спаси меня, ибо они оплели душу мою». «Ибо, как гнев в ярости его, так и жизнь в воле его: вечером водворится плач, а на утро явится радость». «Ибо лучше милость твоя, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя за жизнь мою и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправды». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю господя во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Так ведь и Василий учил, собрав юношей, иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую, и соблюдать слово господне: «Еде и питью быть без шума великого, при старших молчать, мудрых слушать, старшим повино-

ваться, с равными себе и младшими в любви пребывать, без лукавого умысла беседуя, а побольше вдумываться; не неистовствовать словом, не осуждая речью, не много смеяться, стыдиться старших, с дурными женщинами не разговаривать, книзу глаза держать, а душу ввысь, избегать их; не уклоняться учить падких на власть, ни во что ставить всеобщее почитание. Если кто из вас может сделать другим полезное, от бога на воздаяние пусть надеется и наслаждение вечными благами». «О, владычица богородица! Отведи от бедного сердца моего гордость и буйство, чтобы не величался я суетою мира сего в нашей ничтожной жизни».

Научись, верующий человек, поступать благочестиво, научись, по евангельскому слову, «глазами управлению, языку удержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, мысли чистоту блюсти, побуждая себя к добрым делам господа ради. Лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, преследуемый — терпи, хулимый — моли, умертви грех». «Выручайте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу; приходите соединиться, говорит господь. Если будут грехи ваши как багряные, обелею их, как снег», и прочее. «Воссияет весна воздержания постного и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!».

Поистине, дети мои, поймите, как человеколюбец бог милостив премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и, если кто нам причинит зло, то мы поскорее хотим его проглотить и кровь его пролить. А господь наш, владея и жизнью и смертью, безмерные согрешения наши терпит в течение всей жизни нашей. Как отец, дитя свое любящий, бьет и опять привлекает его к себе, так же и господь наш показал нам, как побеждать врагов, как тремя добрыми делами избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя освободиться от грехов своих и царствия (небесного) не лишиться.

И бога ради, не ленитесь, умоляю вас, не забывайте трех дел этих, ибо не трудны они: это не затворничество, не монашество, не голодание, которые иные добродетельные претерпевают, но малыми делами можно получить милость божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?». «Велик ты, господи, и дивны дела твои, никак разум человеческий не может рассказать о чудесах твоих». И опять скажем: «Велик ты, господи, и дивны дела твои, и благословенно

и славно имя твое во веки по всей земле». Кто же не воздаст хвалу и не прославляет силу твою и твои великие чудеса и блага, устроенные на этом свете: как небо устроено или как солнце или как луна или как звезды, и тьма и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду удивимся, как из земли создав человека, как разнообразны человеческие лица, если и всех людей собрать, не все они на одно лицо, но каждый на свой облик, по божьей мудрости. И тому удивимся, как птицы небесные из рая идут и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые расселяются по всем странам, божьим повелением, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на благо людям, в пищу, на потеху. Велика, господи, милость твоя к нам, так как ты эти блага сотворил человека ради грешного. И те же птицы небесные научены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, имея голос, они становятся немые. «И благословен, господи, и прославлен ты весьма!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил. И кто не славит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, тот да будет проклят!».

Эти божественные слова, прочитав, дети мои, воздайте хвалу богу, подавшему нам милость свою; а это от слабого моего ума наставление. Послушайте меня, если не все примете, то половину.

Если вам бог смягчит сердце, слезы свои пролейте о грехах своих, говоря: как блудницу и разбойника и мытаря ты помиловал, так и нас грешных помилуй. И в церкви то делайте, и ложась (спать). Не грешите ни одной ночи; если это вам по силам, поклонитесь до земли; если вам занеможет, то трижды. А того не забывайте, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что человек нагрешит за день, тем избавляется (от греха). Если и на коне едучи, не будет у вас ни с кем дела, если других молитв не умеете произносить, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно про себя, ибо эта молитва всех лучше,— нежели думать о пустом, езда.

Всего же больше убогих не забывайте, но сколько можете, по силе, кормите и подавайте милостыню сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не приказывайте убить его; если будет он достоин

смерти, то не губите ни единой христианской души. В разговоре, о дурном ли, о хорошем ли, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в том нужды никакой. Если же будете крест целовать братии или кому иному, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том целуйте, а, поцеловав (крест), блюдите, как бы, преступив, не погубить души своей. Епископы, попы и игумены... с любовью принимайте от них благословение и не сторонитесь их, и по силе любите и пекитесь о них, чтобы получить от них молитву... от бога. Более всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; это все, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на малое время. И в земле (богатства) не прячьте, это нам великий грех. Старых чти, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем смотрите; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись гости ваши ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни сну; сторожевую охрану сами наряжайте, и ночью, расставив воинов со всех сторон, ложитесь, а рано вставайте; а оружия снимать с себя не торопитесь, не оглядевшись, из-за лени внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни шли походом по своим землям, не давайте отрокам, ни своим, ни чужим, причинять вреда ни жилищам, ни посевам, чтобы не стали вас проклинать. Куда пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего и странника. И более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почитать его дарами,— то пищей и питьем: ибо они, по пути, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Большого проведите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Ни единого человека не пропустите, не поприветствовав его и не подарив его добрым словом. Желю свою любите, но не давайте им над собой власти. А вот вам и конец всему: страх божий имейте превыше всего.

Если начнете забывать это, то часто перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Не забывайте того хорошего, что вы умеете, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, научился пяти языкам, отсюда ведь честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего

не умеет, тому не учится. Хорошо поступая, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего в отношении церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все знатные мужи, исполненные достоинств. На заутрени воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, следует прославить бога радостно, со словами: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет свой красный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь в остальных грехах своих покаявшись, оправдав жизнь свою», так я хвалю бога. И сесть думать с дружиною или творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье назначено богом на полдень. По этому установленью ведь почивают и зверь, и птица, и люди.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море* ; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за Синим морем. Буртасы, черемисы, вьда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни, — от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, — обрушилась беда на христиан...

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ *

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь Великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто

из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмелся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей, и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших. И от поднимающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за

отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы. И плакал много перед образом пречистой богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингваревич, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удалыцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец

Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И нача-

ли сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь утрастился.

И едва поймали татары из полка Евпатыева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полю до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями*, — и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатыево: О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой погибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингваревич нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалыцы, и резвцы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую ча-

шу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой погибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозревшие? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погубло столько государей и многое узорочье рязанское — удалцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингваревич, и воззвал со слезами, говоря: «Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, мать Христа, бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники

наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах: О братья мои и воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их в град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА *

Во имя господя нашего Иисуса Христа, сына божия. Я, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. Но как сказал Приточник: «В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается». Хотя и прост я умом, но все же начну, помолившись святой богородице и уповая на помощь святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: «Так говорит господь: «Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду». И воистину — не без божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана * который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иотапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею,

и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Так же и князь Александр — побеждал, но был непобедим.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны *, из тех, что называют себя слугами божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пыхая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, боже великий, сильный, боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: «Один с оружием, а другие на конях, мы же имя господя бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же стоим и стоим прямо». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на святую троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами *, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот

ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел господень и перебил сто семьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хвала и слава имя своего творца.

На второй же год после возвращения с победою князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, и их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе славянский народ».

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых

воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянному Святополка».

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона *. А того, кто сказал: «Захватим Александра», — отдал бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «божьими рыцарями».

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: «Ты, господи, помоги кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием веры освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою».

И сказал Александр: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и бога своего, избавившего их от плена египетского».

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского * и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил,

а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его.

В то же время был в восточной стране сильный царь *, которому покорил бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что бог покорил мне многие народы. Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские * начали страшать детей своих, говоря: «Вот идет Александр!»

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен богу». Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и бог помогает, ибо бог не ангелов любит, но людей, в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же бог землю Александра богатством и славою и продлил бог дни его.

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: «Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Гемонта, чтобы послушал ты речи их о законе божем».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авра-

ама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождения, от воскресения Христова и до распятия его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились во свояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отомстить людям своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей». И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним.

Много потрудившись богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его бог и большой чин принять — схиму. И так с миром богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: «Уже погибает!»

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому

телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритье, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную *. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил бог угодника своего.

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

**ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО,
ИГУМЕНА СЕРГИЯ, ЧУДОТВОРЦА.
НАПИСАНО ПРЕМУДРЕЙШИМ ЕПИФАНИЕМ**

Благодарим бога за премногую его благодать, бывшую на нас, как говорит апостол: «Благодать богу о неизреченном его даре». Ныне же должны мы благодарить бога, который даровал нам такого старца святого, преподобного Сергия, * в земле нашей Русской, в стороне нашей северной, в дни наши, в последние времена; гроб его у нас и пред нами, * к нему с верою всегда прибегаем, великое утешение душам нашим получаем и от него пользу имеем; истинно велико то от бога дарование дарованное нам.

Удивляюсь, прошло столько лет, а житие его не написано; очень сожалел я, как о таком святом старце, пречудном и предобром, умершем 26 лет назад, никто не решился написать, ни дальние, ни ближние, ни большие, ни меньшие: большие не желали, а меньшие не смели.

Год или два спустя после смерти старца я, окаянный и вседержкий, решился на это, обратился к богу и, старца призвав в молитвах, начал мало-помалу подробно писать житие старца, а про себя думал: «Я не отнимаю ни у кого, а для себя пишу, памяти ради и пользы ради». Приготовил за 20 лет этого писания свитки, в которых написал некоторые главы о житии старца для памяти своей: одни в свитках, другие в тетрадах, еще не по порядку, но начало в конце, а конец в начале. Так я ожидаю и жажду такого времени, когда кто-нибудь лучше и разумнее меня написал бы, и я приду и поклонюсь ему, пусть меня научит и вразумит. Но точно разузнав, услышав, и увидев, что никто и нигде не говорил и не писал о старце, я, когда про это вспомню и услышу,

то думаю и размышляю: такое тихое, дивное и добродетельное житие его остается не написанным так много лет, что, размышляя, недоумеваю, печалюсь, не разумею и загадуюсь желанием писать; и одержим этим желанием — как и каким образом начать писать, чтобы из многого отобрать главное для жития преподобного старца. Нашел двух старцев премудрых, рассудительных и разумных и спросил у них о нем, чтобы успокоиться; и спросил их, достойно ли это написания? Они ответили: «Как неразумно и не следует жития нечестивых писать, так не подобает жития святых мужей забывать, не писать и молчанию предавать и забвению. Если житие святого мужа написано будет, то от этого великая польза и утешение всем: и пишущим, и рассказывающим, и слушающим. Если же житие святого старца не будет написано, а видевшие и помнившие его умрут, то какая польза в этом забвении и молчании? Если не написано будет житие его, то как узнать не знавшим его о том, каков он был, откуда родом, как родился и рос, как принял постриг и воздерживался, как жил и как умер? Если же житие будет написано, то кто-либо, услышав о старце, последует его примеру и от этого получит пользу».

Пишет же Василий Великий: «Будь последователем праведных и их житие и деяния запечатлей в сердце своем». Помни, что жития святых следует писать не только на бумаге, но и на своем сердце, ради пользы, а не скрывать и молчать: молчание в церкви лучше хранить, а дела божии необходимо и полезно проповедовать.

С тех пор возникло у меня желание выпытывать и вопрошать древних старцев, хорошо сведущих в истине, что им известно о житии Сергия, как сказано в святом Писании: «Вопроси отца твоего и возвестит тебе, и старцы твои ответят тебе». Отцы мои поведали мне, что слышали и разумели, что-то я от старцев слышал, что-то своими очами видел, что-то от самого слышал, что-то узнал от тех, кто немалое время был учеником его и поливал воду на руки его, иное что-то слышал от его старшего брата Стефана, бывшего отцом Федору, архиепископу Ростовскому, другое от иных старцев древних достоверных, бывших очевидцами его рождения, воспитания, обучения книжного, возмужания и юности его, даже до пострижения в монахи; другие же старцы были очевидцы и свидетели истинные его пострижения, начала пустынножительства и поставления во игумены и так по порядку; были же и другие рассказчики и сказатели. Но на многие труды

старца и на великое его подвижничествозираю словно безгласный и бездельный, приходя в недоумение от ужаса, не находя необходимых слов, достойных деяния его. Как могу я, бедный, в нынешнее Сергиево время по порядку написать сие житие, расписать о многих его подвигах и неизреченных трудах?

Как же начну, чтобы по достоинству деяний и подвигов его все известное изложить слушателям? Что подобает первым вспомнить? Или какой довольствоваться беседой в похвалу ему? Откуда взять умение, которое укрепит меня к таковому повествованию? Как же таковую и невыразимую повесть поведаю, не знаю, поскольку творимое не по силе нашей? Как не может малая ладья, нагруженная большим и тяжелым грузом, плыть, так надлежащая беседа превосходит наш ум и немощь. Если же и побеждает нашу худость, однако молимся всемилостивому и всемогущему богу и пречистой его матери, да вразумит и помилует меня грубого и неразумного, да подаст мне слово, чтобы отверзались уста мои, не моего ради недостойнства, но ради молитв святых старцев, и самого Сергия на помощь призываю и осеняющую его благодать духовную, да будет мне поспешник и слову помощник; призываю еще его стадо богозванное, благое собрание, собор честных старцев, к ним же со смирением припадаю, и в ноги им кланяюсь, и на моление призываю, и понуждаю, очень же в тех молитвах постоянно нуждаюсь именно сейчас, когда начинание мое начинается и к нему устремляется сказание повести.

Преподобный отец наш Сергий родился от добродетельных и благоверных родителей, от отца, называемого Кириллом, и матери по имени Мария, которые были угодниками божьими, правдивы пред богом и людьми и всяческими добродетелями украшены, каких же бог любит. Не допустил бог, чтобы такому детищу, хотящему просиять, родиться от неправедных родителей, но прежде бог уготовил и устроил праведных родителей его, а потом от них своего произвел угодника.

И было некое чудо до рождения его; случилось нечто такое, что недостойно предать молчанию. Когда он еще был носим в утробе матери, в один из дней, в воскресенье, мать его пошла в церковь, по обычаю, когда поют святому литургию, и стала с прочими женщинами в притворе. И когда хотели начать читать святое Евангелие в тишине, тогда внезапно младенец так начал вопить в утробе матери, что многие от этого крика ужаснулись, как от чуда, случившегося с младенцем.

Перед началом херувимской песни, называемой «Иже херувим», снова младенец начал громко верещать в утробе матери, во второй раз сильнее первого, так что на всю церковь раздался его глас и ужаснул самое мать и женщин, стоящих тут и недоумевающих про себя: «Что будет с младенцем этим?»

Когда же иерей воскликнул: «Вонмем, святая святых!» — тогда снова младенец заверещал громко в третий раз. Мать его чуть не упала на землю от страха, была одержима великим трепетом и, ужаснувшись, начала про себя плакать. Другие же верные женщины, приступивши к ней, начали расспрашивать ее, говоря: «За пазухой ли держишь спеленутого младенца, его же голос слышали по всей церкви?»

Она в недоумении и от рыданий не может произнести ни слова, но лишь кратко отвечает им: «Ищите, — говорит, но где, я не знаю». Они же выпрашивали друг у друга, поискали, но не нашли, и снова обратились к ней: «Мы в церкви поискали, но не нашли того младенца, который проверещал».

Мать же его, не имея сил утаить случившегося, отвечает им: «Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, имею же я его в утробе своей, до времени не рожденного, он же и прокричал». Женщины же говорят ей: «Да как же может возгласить младенец до рождения, находящийся в утробе?» Она же говорит: «Сама удивляюсь сему и вся в страхе трепещу, не ведая случившегося».

Женщины же, вздыхая и бня в груди свои, возвратились каждая на свое место, рассуждая про себя: «Что будет с отроком этим? Да будет с ним по воле господней».

Мужчины же в церкви этой, все видевшие и слышавшие, стояли пораженные безмолвием до тех пор, пока иерей не закончил литургию, снял ризы свои и распустил людей. И разошлись каждый восвояси, и был страх на всех слышавших это.

Мария же, мать его, с того дня, когда было знамение такое и проявление, пребывала до времени рождения его и младенца в утробе носила, как некое сокровище многоценное, как драгоценный камень, как чудный бисер и как сосуд избранный. И когда в себе его носила и им непраздна была, тогда остерегалась всякой скверны. И от всякой нечистоты постом ограждаясь и всякую пищу телесную отвергая, мясо, молоко и рыбу не ела, только хлебом, зеленью и водой питалась, от пьянства воздерживалась, а вместо питья одну только воду и ту помалу испивала,

но часто тайно, наедине, с воздыханием и слезами, молилась богу, говоря: «Господи! Спаси меня, сохрани меня, убогую рабу свою, и сего младенца, носимого в утробе моей, спаси и сохрани. Ты хранитель младенца, господь, и воля твоя да будет, господи, и будет имя твое благословенно во веки веков. Аминь».

И пребывала даже до самого рождения его в строгом посте и молитвах, как и само зачатие и рождение его исполнено было поста и молитвы; была она добродетельна, ибо очень боялась бога, который еще до рождения младенца уведал и разумел о нем такое знамение, проявление и удивление. И советовалась с мужем своим, говоря: «Если родится мальчик, обещаем принести его в церковь и посвятить богу, благодетелю всех». Так это и произошло. О добрая вера! О теплоты благодать! Еще до рождения его обещали привести и посвятить всех благ подателю — богу, как и древняя пророчица Анна, мать пророка Самуила, когда наступил день рожать ей, и родила младенца, и очень радостно восприняли родители это, и призвали к себе родственников, друзей и соседей, и веселились, слава и благодаря бога, даровавшего им такое дитя.

После рождения его, когда спеленут был младенец, всякий раз с трудом принимал он грудь; когда же матери случалось вкусить мясную пищу, тогда младенец никак не принимал грудь; и такое случалось не однажды, но иногда день, иногда два младенец не ел. От этого мать и родственники ее одержимы были скорбью и ужасом. Но когда поняли, что не хочет младенец питаться молоком матери, принимающей мясную пищу, то строго придерживались поста. И с этого момента мать воздерживалась и постилась, а младенец питался тогда, как и положено ему.

И пришел день исполнить обещание матери, так как прошло шесть недель, то есть сорок дней со дня его рождения. Родители принесли младенца в церковь божию, чтобы отдать его, как и обещали, богу, давшему его, и просили иерея совершить божественное крещение.

Иерей же, огласив его и помолившись над ним, с радостью духовной и со старанием окрестил его во имя отца и сына и святого духа и нарек ему в святом крещении имя Варфоломей. Опустив его в купель с водой, благодать принял святого духа, и провидел духом божественным, и уразумел, что младенец будет сосудом избранным. Отец же и мать его, неплохо зная святое Писание, рассказали иерею, что, когда носим был в утробе матери,

троекратно прокричал в церкви, но что значит это, они не ведают.

Иерей же, именем Михаил, рассудительный в книгах, поведал им из божественного Писания, из обоих законов, Ветхого и Нового: «Давид в Псалтыри говорит, что все содеянное мною видят очи твои». И сам господь святыми своими устами ученикам это говорит: «Вы же, как всегда, со мною». Там, в Ветхом завете, пророк Иеремея освятился, здесь же в Новом, апостол Павел провозгласил: «Бог, отец господя нашего Иисуса Христа, воззвавший меня из чрева матери моей, яви сына своего во мне, да благовествую в странах». И другое многое от святого Писания поведал им.

О младенце же сказал родителям: «Не скорбите о нем, но радуйтесь и веселитесь, ибо будет сосуд, избранный богом, обитель и служитель святой троицы», — как и было. И благословив отрока и родителей его, отпустил их домой.

Хочу сказать о времени, когда родился преподобный. Во времена благочестивого, преславного и державного царя Андроника, самодержца греческого, который в Царьграде царствовал, при архиепископе Константинопольском Каллисте, патриархе вселенском, в земле Русской, в великое Тверское княжение, при великом князе Дмитрие Михайловиче, при преосвященном архиепископе Петре, митрополите всея Руси, когда была рать Ахмылова.

Названный же младенец, о нем рассказ мы с самого начала ведем, спустя некоторое время после крещения, по законам естества, отнимается от груди, освобождается от пелен и от колыбели. И так отрок рос, как обычно, преуспевая душой, телом и духом, исполняясь разума и страха божия, и милость божия была на нем. Когда же исполнилось ему семь лет, отдали его родители учиться грамоте.

Прежде поминаемый раб божий Кирилл имел три сына: первого — Стефана, второго — Варфоломея, третьего же Петра, — воспитал их со всякими наставлениями, в благочестии и чистоте. Стефан и Петр успешно изучали грамоту, отрок же не скоро к писанию привыкал, но медленно и не прилежно. Учитель с большим прилежанием учил его, но отрок не внимал и не умел, не похож был на учащихсЯ с ним. Из-за этого много бранили его родители, еще больше учитель его томил, а соученики — укоряли. Отрок же часто тайно со слезами молился богу, говоря: «Господи! Дай же мне грамоту эту, научи и вразуми меня».

Поэтому немалая печаль была родителям его, немалое старание прилагал учитель его; все они печалились, не зная, что в этом был высший промысел божий, который хочет сотворить бог на отроке этом, ибо не оставит господь преподобного своего. По воле божьей было так, что от бога книжное учение будет ему, а не от человека; так и было. Скажем и то, что от божия откровения овладел он грамотой.

Однажды послал его отец разыскать жеребят. Это все было бога всемудрого судьбами, как первые царские книги извещают о Сауле, который послан был отцом своим Кисом разыскать ослят. Когда он шел, то встретил святого пророка Самуила, от него и помазан был на царство и высшее дело приобрел. Так и блаженный отрок высшее дело обрел. Ибо, посланный отцом своим Кириллом разыскивать скот, обрел некоего черноризаца, святого старца, странника незнакомого, в сане пресвитера, святолепного и ангеловидного, стоявшего на поле под дубом и прилежно со слезами молитву творившего. Отрок, увидев его, прежде сотворил смиренно поклон ему, затем приблизился и встал около него, ожидая конца молитвы. И когда окончил молитву старец и взглянул на отрока, тот прозрел внутренними очами,— так сосуд хочет быть избран святому духу; и призвал его к себе старец, и благословил его, и о Христе целование дал ему, и спросил его, сказав: «Что ищешь или что хочешь, дитя?»

Отрок же сказал: «Возлюбила душа моя пожелать больше всего учить грамоту эту, за тем и отдан был учиться, и ныне очень скорбит душа моя, ибо учусь грамоте и не умею. Ты же, святой отец, помолись за меня богу, чтобы научился я грамоте».

Старец же, воздев руки и глаза к небу, вздохнул и к богу сотворил молитву прилежную и, окончив, сказал: «Аминь». И достал из рукава своего, как некое сокровище, и оттуда тремя перстами подал ему нечто, похожее на анафору, на вид как малый кус белого хлеба пшеничного, как от святой просфоры, и сказал ему: «Раскрой уста свои, дитя, и прими это, и съешь; это дается тебе знамение благодати божией и разума святого Писания, если даже и малым кажется даваемое, то велика сладость вкушения его».

Отрок же раскрыл уста свои и съел это, и была сладость в устах его, как мед сладкий, и сказал: «Не это ли и есть сказанное: «Коль сладки гортани моей слова твои, лучше меда устам моим, и душа моя возлюбила

это». И сказал ему старец: «Если веруешь — и больше этого увидишь. И о грамоте, дитя, не скорби. Да будет тебе известно, что от сего дня дарует тебе господь способность к грамоте лучшую, чем у братии твоей и сверстников твоих».

И поучал его о пользе души. Отрок же сотворил поклонение старцу, и, как земля плодovitая и доброплодная, принял семена в сердце свое, и стоял, радуясь душой и сердцем, что сподобился такого святого старца обрести. Старец же намерился отправиться в путь. Тогда отрок пал на землю лицом к ногам старца и со слезами молил его, чтобы жил он в доме его родителей, сказав: «Родители мои очень любят таких, как ты, отец».

Старец же удивился вере его, и вошел в дом родителей его. Они же, увидев его, вышли навстречу и поклонились ему. Старец же благословил их, они же приготовили трапезу и поставили перед ним. Старец не сразу вкусил пищу, а прежде вошел в храм молитвенный, в часовню, взяв с собой освященного в утробе отрока, и начал петь часы, повелев отроку говорить псалмы. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отец». Старец же ответил: «Сказал тебе, что от сего дня дарует тебе господь способность к грамоте. Ты же скажи слово божие без сомнения».

Всех это удивило. Только отрок принял благословение от старца, и с того часа начал стихословить очень хорошо и стройно, и стал очень искусен в грамоте. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит господь: «Я дал слова мои в уста твои». Родители же его и братья, это видевшие и слышавшие, удивились его разуму и мудрости и прославили бога, давшего ему такую благодать».

Отец же его и мать, взяв от старца благословение и слова его положив на сердца свои, возвратились в свой дом. По отшествии же старца постиг отрок сразу всю грамоту, оттуда добру научившись, переменялся странным образом, и какую ни раскроет книгу, то хорошо читает и понимает. Добрый отрок этот достоин был даров духовных, ибо от самых пеленок бога познал, и бога возлюбил, и богом спасен был. И во всем повиновался родителям своим, стараясь все делать по их повелению и ни в чем их не ослушаться, как и святое Писание говорит: «Чти отца и мать — и будешь долго жить на земле».

Еще об одном деле сего блаженного отрока расскажем, который в детстве мудрость показал, в юные годы строгий пост установил и от всего воздерживался: в среду и в

Как-то случилось ему путешествовать от епархии своей, Пермью называемой, к господствующему граду Москве. Путь же этот, по которому шел епископ, отстоит от монастыря святого Сергия верст на 10 или больше. И задумал он, поспешая в путь, не быть у святого в обители, но когда будет возвращаться в свою, тогда и прийти в обитель к преподобному.

Когда чудный епископ Стефан был против обители святого, он остановился, сотворил «Достойно есть» и обычную молитву и поклонился святому Сергию в ту сторону, где жил он, сказав так: «Мир тебе, духовный брат!» Блаженный с монахами тогда трапезничал. Поняв тотчас же духом, что сотворил епископ Стефан, во время трапезы святой встал, немного постоял, молитву сотворил, поклонился и сказал: «Радуйся и ты, пастух христово стада, и мир божий да пребудет с тобою».

Монахи же удивились тому, что святой встал раньше установленного времени. Поняли некоторые из них, что не напрасно встал святой, но что-то за видение посчитал. По окончании трапезы начали ученики его вопрошать о бывшем. Он же все рассказал им, говоря: «Ибо в сей час епископ Стефан идет к граду Москве, и против нашего монастыря поклонился святой троице, и нас, смиренных, благословил». Назвал он и место, где был епископ. Некоторые из учеников его помчались в названное место, желая узнать, так ли это. Когда догнали епископа с его спутниками, спросили: «Правда ли это?» И, узнав истину, сказанную святым, дивились прозорливому его дару, какого сподобился святой, и хвалу воздали богу, прославляющему святых своих угодников.

Стефан, брат святого по плоти, о котором прежде рассказывал вам, привел к Сергию сына своего, Федора, 12 лет, и отдал его в руки святого; Сергей и сподобил его иноческому образу. И когда пребывал он у святого в полном послушании, жизнь добродетельную проводя, тело свое изнуряя полным воздержанием, многие ему дивились. Чудно было и то, что никогда же свои помыслы от преподобного не таил он как ночью, так и днем.

Когда он был в чине совершенном и священству сподобился, пришла ему мысль, как бы найти место и основать монастырь-общежитие. И пришел и исповедал преподобному помысл свой, и не раз, а многократно. Святой же, увидев его утвердившимся в этой мысли, подумал, что это нечто божие. И спустя время благоразумный пастырь благословляет Федора и отпускает. И нашел тот место красивое для

постройки монастыря близ реки Москва, названием Симоново.

Об этом услышав, святой пришел посмотреть место и увидев, что место подходящее для этого строения, разрешил ему. Федор благословение от архиерея получил и создал церковь на том месте во имя пречистой владычицы нашей богородицы, честного ее рождения. И так основал монастырь, все по чину стройно и необыкновенно, и общежитие учинил, как подобает по преданию святых отцов, в славу божию, монастырь чудный, и множество монахов из различных сторон собралось, ибо слава большая во все стороны о Федоре простерлась, ибо многие приходящие великую пользу от него принимали, наставляемые, и видели Федора в добродетелях сияющего, и в телесном возрасте, и в благолепии большом, и в премудрости и в разуме, многорассудительного. И за многие добродетели всеми почитаем был, и день ото дня росла слава о нем, как некогда и старца святого Сергия, который пекся о чести и славе его и молитвы непрестанно о нем к богу возносил, чтобы Федор благополучно свершил течение своей жизни.

Многие ученики Федора в добродетелях прославились, произведены были в честные игумены, даже и на епископство поставлены в великодержавные города. В некое время пришлось этому чудному мужу Феодору в Царьграде быть, и там патриархом вселенским владыкой Нилом был он почтен и у архимандритов всех русских старейшинства удостоился. В это же время Феодоров монастырь Симоновский, честнейший на Руси, строился в патриаршее имя, а на другом месте основана была церковь каменная архимандритом Феодором, чудная весьма, во имя пречистой богородицы, честного ее успения. И на том месте благодатью Христовою устроен был монастырь славный, который и доныне всеми видим и почитаем.

И стало известно, что по поущению божию за грехи наши ордынский князь Мамай, * двинув силу великую, всю орду безбожных татар, идет на Русскую землю. И были все люди в великом страхе притесняемы. Князь же великодержавный, который тогда скипетры русских стран держал, достохвальный и победоносный, — великий Дмитрий — пришел к святому Сергию. Имел он великую веру к святому старцу и хотел спросить его, велит ли ему идти против безбожных татар: ибо знал его как мужа добродетельного и дар пророчества имеющего.

Святой же, услышав это от великого князя, благословил его, молитвою вооружив, и сказал: «Подобает тебе, госпо-

пятницу ничего не ел, в прочие же дни хлебом питался и водою, в ночи же много без сна пребывал с молитвою, и так вселилась в него благодать святого духа.

Этот предобрый и вседобрый отрок несколько лет пребывал в доме родителей своих, возрастая и преуспевая в страхе божием. К детям играющим не ходил и с ними не играл, пустословным праздным разговорам не внимал, также со сквернословцами и смехотворцами не водился, только упражнялся в славословии божием и тем наслаждался. К церкви божией прилежно пристоял, на заутреню, на литургию и на вечерню всегда ходил и святые книги читал, во всем утруждал свое тело, и иссушал свою плоть, и чистоту душевную и телесную без скверны соблюдал.

Этот прежденазванный раб божий Кирилл раньше имел хозяйство большое в Ростовской области. Был он один из славных бояр, богатством изобиловал, но к старости обнищал и оскудел. Как же и отчего он обнищал? Скажем и про это: из-за частых походов с князем в Орду, частых битв с татарами, частых послов татарских, частых тяжких даней для Орды, частого голода хлебного. Надо всеми тогда была великая рать татарская, называемая Федорчуковой Туралыковой, тогда в год один княжение великое досталось великому князю Ивану Даниловичу, * тогда же досталось и Москве Ростовское княжество.

Увы, тяжело тогда было граду Ростову, а также и его князьям, ибо отняли у них власть, и княжества, и имения, и честь, и славу, и все прочее и отдали Москве. Тогда по велению великого князя послан был из Москвы в Ростов воеводой один из вельмож, по имени Василий, по прозвищу Кочева, и с ним Мина. И когда вошли в Ростов, то возложили великие тяготы на город и на всех живущих в нем, умножилось гонение, и немало жителей были вынуждены имущество свое отдать москвичам, а сами, получая взамен побои и оскорбления, с пустыми руками отходили они, как последние бедняки.

И ради этого раб божий Кирилл двинулся из селения, названного Ростовом, и собрался всей семьей своей и родом своим и переселился из Ростова в Радонеж. И прибыв, поселился вблизи церкви, названной в честь святого рождества Христова, которая и донныне стоит, и там жил с родом своим.

Сыновья же Кирилла, Стефан и Петр, женились; третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел жениться, но стремился к иноческому житию, о чем молил отца своего. Родители его сказали ему: «Дитя! Подожди

немного и потерпи, ибо мы сейчас в старости, в нужде и болезни и некому помочь нам. Ибо братья твои, Стефан и Петр, женились и стараются теперь угодить женам; ты же не женился и думаешь, как угодить богу, благую долю избрал ты, и она не отнимется у тебя. Только послужи нам немного, и когда нас, родителей твоих, проводишь до гроба, тогда и мечту свою сотворишь, когда нас гробу предашь и в землю погребешь, тогда и желание свое исполнишь».

Чудесный юноша с радостью обещал служить им всю жизнь свою и с того дня старался всякий день угодить родителям, чтобы получить от них молитву и благословение. И так пребывал некоторое время, угождая и служа родителям своим всей душой и чистой совестью, затем постриглись они в монашеский чин, отошли каждый в свое время в свой монастырь и, немного лет прожив в монашестве, преставились, а сына своего, блаженного юношу Варфоломея, все дни постоянно благословляли до последнего дыхания.

Блаженный же юноша похоронил родителей своих. Он пропел над ними надгробные песни, обрядил тела их, поцеловал их с большим почтением, предал гробу и, покрыв землею со слезами, как некое сокровище драгоценное, почтил отца и мать умерших святыми литургиями и панихидами, украсил память родителей молитвами и милостынями к убогим и нищим и пребывал до 40 дней так, творя память родителям своим.

И, призвав Петра, младшего брата своего, оставил ему отцовское наследство, сам себе взял ничтожную часть. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре святой Богородицы и Покрова, что на Хотькове. К нему же пришел блаженный юноша Варфоломей, моля Стефана, чтобы шел с ним искать место пустынное. Стефан взял словам блаженного и обошел с ним в лесах много мест, и пришли они на одно место пустынное в чаще лесной, где была и вода. Полюбилось это место им. И, сотворив молитву наставляющему их богу, начали они своими руками лес валить и на плечах бревна носить. Прежде сделали себе ложе и хижину и покрыли ее, потом одну келью построили, и заложили церковь небольшую, и поставили ее. И когда была церковь построена, пришло время освящать ее. И тогда освящена была церковь во имя святой троицы от преосвященного архиепископа Феогноста, митрополита Киевского и всея Руси.

Стефан, соорудив церковь и освятив ее, увидел труд

пустынный, житие скорбное, суровое, со многой теснотой, лишениями и недостатками: не получали они ниоткуда ни яств, ни питья, ни прочих припасов, ибо никто не приходил к ним и ничего не приносил. Не было вокруг пустыни той ни сел, ни дворов, ни людей, ни проезжих дорог, не было там ни прохожего, ни посещающего, но со всех сторон все лес да пустыня.

Увидев это и огорчившись, Стефан оставил пустыню и брата своего, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и оттуда ушел в Москву, и, придя в город, поселился в монастыре святого Богоявления.

Преисполненный доброты, блаженный и верный юноша был родным братом Стефану, от одного отца и от одной матери с ним родившимся; хотя и одно чрево их носило, но не одинаково было произволение. Не родными разве были оба брата друг другу? Не единодушно разве согласились и поселились в месте том? Разве не вместе решили поселиться в пустыне той? Как же внезапно разошлись друг с другом: один поступил иначе, чем другой; один в городском монастыре основаться рассудил, другой же и пустыню, как город, сотворил.

Сам преподобный отец наш тогда еще не принял ангельского образа, пока не познал все монастырские дела и чернеческие — на потребу монахам. И всегда, во все времена с великим прилежанием и с желанием и со слезами молился богу, чтобы сподобиться ангельскому тому образу и причаститься к иноческому лику. И призвал к себе в названную пустынь одного старца духовного, чином священным украшенного, пресвитерскою благодатью почтенного, в сане игумена бывшего, по имени Митрофан. Его молит он со смирением, к нему радостно преклоняет главу свою, в иночество желая от него облечься.

Игумен тут же вошел в церковь и постриг его в ангельский образ, в месяце октябре, в шестой день, в память о святых мучениках Сергии и Вакхе, и наречено ему было имя в монашестве Сергий. Был святой тогда в возрасте 23 лет, когда принял иноческий образ.

После ухода игумена преподобный Сергий в пустыне жил один, без всякого человека. И кто может рассказать о трудах его, о подвигах его, что претерпел он один в пустыне? Невозможно рассказать, какого труда духовного, каких забот стоило ему начало всего, когда жил он столько лет в лесу пустынном.

Иногда бывали демонские козни и устрашения, иногда угрожали ему звери, ибо много тогда зверей было в пустыне.

ном месте том. И среди них один зверь, называемый медведем, часто приходил к преподобному. И видел преподобный, что не злобы ради приходит к нему зверь, но от остатков пищи немного берет себе на еду иногда; и выносил ему из хижины своей немного хлеба, клал на пень или колоду, чтобы пришедший, по обыкновению, зверь готовую пищу брал себе и уходил. А когда недоставало хлеба и пришедший зверь не находил обычной своей доли, тогда подолгу не уходил, а стоял, озираясь по сторонам, ожидая, как некий злой должник, жаждущий получить долг. А когда нуждался преподобный и не было лишней пищи у него, то делил он на две части: одну — себе, другую — зверю.

Спустя некоторое время начали посещать его монахи, сначала по одному, потом же когда по двое, когда — по трое, молили преподобного, припадая и говоря: «Отец, прими нас, хотим с тобою на этом месте жить и души свои спасти». Преподобный же спрашивал их: «Можете ли терпеть трудности места этого, голод, и жажду, и всякие недостатки?» Они же ответили: «Да, честный отец, хотим».

Преподобный Сергей, видя их веру и усердие, сказал им: «Я вас с радостью приму, только потрудитесь соорудить себе кельи. Но знайте: если в пустыню эту жить придете, если со мною на этом месте быть хотите, если служить богу пришли, приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, всякую нужду, и недостатки, и бескорыстие, и бдение.

Когда блаженный Сергей сказал это им, они с радостью и усердием обещали, сказав: «Все, что велишь, сделаем и ни в чем тебя не ослушаемся». И создал каждый себе келью и жил с богом. Преподобный Сергей, живя с братьями, много трудностей претерпел, великие подвиги постнического жития творил, жил строгой постнической жизнью; добродетелями его были жажда, сильное чувство голода, бдение, сухоядение, на земле возлежание, чистота душевная и телесная, молчание, плотского желания умерщвление, труд, смирение нелицемерное, непрестанная молитва, доброе рассуждение, любовь совершенная, бедность одежды, память о смерти, кротость, страх божий непрестанный. Ибо начало премудрости — в страхе господнем, как цветок — начало ягод и всякого овоща, так и начало всякой добродетели — страх божий.

Преподобный отец наш игумен Сергей, хоть и принял игуменство как старейший, но не изменил правила своего чернического, помня сказанное: «Если кто хочет быть старейшим, да будет всех меньше и всем слуга». Обычай же в

основе своего игуменства имел такой: всякому, приходящему к нему и желающему постричься в монахи, не отказывал — ни старому, ни юному, ни богатому, ни нищему, — всех принимал с заботой и радостью. Но не сразу постригал его, а прежде велел облечься в свиту длинную из черного сукна и в ней проходить с братьями долгое время, пока не привыкнет к жизни монастырской.

Блаженный имел обычай такой: после вечерни, или поздно вечером, или глубокой ночью, также в темные и долгие ночи, сотворив молитву в келье своей и выходя из кельи, обходил монашеские кельи, заботясь о братии своей, не только тела их проведывая, но и о душах их заботясь, чтобы узнать о жизни каждого из них или о желаниях к богу. И если заставал кого-нибудь творящим молитву, или поклоняющимся, или дело свое с молитвой творящим, или святыи книги читающим, или о грехах своих печальщимся, за них радовался, и бога благодарил, и молил, чтобы до конца доброе свое дело совершили. Если слышал он, что беседовал кто-то, вдвоем или втроем, или смех раздавался — на то негодовал и не терпел такие вещи, рукой ударял в двери или, стукнув в окно, уходил.

Сперва, когда начинало строиться это место, иногда доставало хлеба, и муки, и пшеницы, и ржи; иногда же доставало масла, и соли, и другой еды; иногда же доставало вина, чтобы служить обедню, и фимиама, чтобы кадить, иногда не хватало воску на свечи, и, служа ночью заутреню, не имея свеч, только лучиной березовой или сосновой светил себе, и так умел каноны и книги читать, и так совершал ночные службы свои.

Преподобный Сергей всякую нужду, тесноту и скудость терпел с благодарением, ожидая от бога богатых милостей. И случалось иногда искушение, поскольку с искушением бывает и милость божия: иногда доставало хлеба и соли у игумена, да и во всем монастыре было мало еды. Но заповедь преподобного игумена к братии была такова: если случится такое искушение, что хлеба не хватит и мало будет еды, то не ходить ради этого из монастыря в деревню или в село и не просить у мирян телесных потреб, а терпеливо сидеть в монастыре, просить и ожидать милости от бога. Так он братии велел, так и сам творил и терпел, пребывая по три и четыре дня без пищи.

Когда же минуло три дня, а четвертый настал, взял топор и пришел к одному старцу, живущему в монастыре, по имени Данила, и сказал ему: «Слышал, старец, что хочешь сени построить перед своей кельей. И для этого я пришел, чтобы

руки мои не бездействовали, я тебе построю». Ответил Данила: «Очень хочу и давно к этому готовлюсь, но ожидаю плотников из села, тебя просить боюсь, не знаю, какую плату возьмешь с меня».

Сказал ему Сергей: «Невеликое воздаяние потребую от тебя, — но есть ли у тебя гнилой хлеб, очень захотел я поесть такого хлеба, другого ничего не требую, не прошу у тебя платы; не говори, старец, что ожидаешь другого плотника, а не меня. Ибо кто для тебя такой плотник, как я?»

Старец Данила принес ему решето гнилых хлебов, сказав: «Если тебе захотелось этого, с радостью отдаю тебе, больше же не имею». Отвечал Сергей: «Довольно мне этого, но побереги их до десяти часов, ибо до этого руки мои не поработали и до окончания труда плату не приму».

И, сказав это, препоясал чресла крепко и начал трудиться с утра до вечера, и доски все стесал, столбы изготовил и поставил; бог помог ему и сени соорудил до вечера. Когда стемнело, в вечерний час, Данила-старец вынес ему решето хлебов, цену платы его, ибо руки его поработали. Сергей принял их, положил пред собою, сотворил молитву благословения и начал есть с водою без варева, без соли; и оба, соединив обед и ужин, все съели.

Говорили некоторые из старцев о преподобном Сергии, что одежды новой никогда не надевал он, ни из сукон немецких, цветных, красивых, ни гладкой и мягкой. «Мягкую, — говорил, в царских домах носят», — но только из простого сукна, из сермяги, и то, что из волос и шерсти овечей было спрядено и соткано, носил.

Были порты на нем плохие, ибо каждый день их носил; если кто не видел и не знал его, то не подумал бы, что это игумен Сергей, а принял бы его за одного из чернецов, нищего и убогого, за работника, всякую работу делающего.

В то время как много слухов о житии преподобного распространилось, многие люди из разных мест посещали его, приходили, желая только посмотреть на него, и, посмотрев, возвращались к себе, и друг другу рассказывали о нем, удивляясь. Это слышал один христианин, поселянин, пахарь, земледелец, живший в селе своем, пахавший плугом своим и своим трудом питавшийся; жил далеко от этих мест, но, многое слышав, захотел видеть его.

Однажды оставил он работу и пришел в монастырь Сергия, а прежде не видал его; в то время преподобный с киркой трудился, в огороде копал землю, чтобы посадить огородные растения. Пришедший земледелец хотел видеть

его, искал и говорил: «Кто есть Сергей и где есть чудный и славный муж, о нем я слышу, и хочет ли он мне показаться?» И каждого из братии спрашивал и просил, чтобы указали ему искомого. Они же ему поведали: «В огороде он, уединился, копает землю, немного подожди, пока не выйдет».

Он же, очень желая, не дождался, а приник к отверстию, увидел блаженного в худой одежде, порванной и заплатанной, в поте лица трудящегося, и подумал, что это не тот, кого он ищет, ибо не верил тому, о чем слышал. И сказал братии: «Почему не покажете мне его, к нему издали пришел поклониться, и дело большое есть к нему». Они же сказали: «Показали тебе его, его видел в отверстии. Если еще не веришь, то увидишь его после». Он же не верил, но при дверях стоял, словно откуда-то ждал его.

Когда же преподобный закончил дело свое и из огорода в монастырь вернулся, тогда монахи указали ему, сказав: «Это и есть тот, кого желал видеть.» Земледелец отвернулся от блаженного, начал смеяться и побрезговал им, сказав: «Я пришел посмотреть на пророка, а вы мне бедняка показали. Издали пришел, чтобы пользу получить, а вместо пользы напраслину поимел. В честной монастырь пришел, но и тут пользы не получил: вы же глумитесь надо мною либо думаете, что я безумный. Я святого мужа Сергея, о котором слышал, надеялся увидеть в чести, в славе, в величии. На том, кого вы указали, ничего не вижу — ни чести, ни величия, ни славы, ни одежд красивых, дорогих, ни отроков при нем, ни слуг поспешных, ни рабов, служащих ему или честь воздающих, но все равное, все нищее, все сирое. И думаю, что это не тот».

Братия же игумену сказала: «Не смеем говорить и боимся тебя, честной отец, а гостя твоего отослали отсюда как бездельника и нечестивца, ибо он, невежда и поселянин, тебе не кланяется, ни чести достойной не воздает, а нас укоряет и не слушает, лжецами нас считает. Хочешь, мы изгоним его?»

Божий человек Сергей, посмотрев на братию, увидел, что смутились они, и сказал: «Братие, не делайте этого, ибо не к вам, а ко мне пришел. И зачем вы ему беспокойство причиняете, ведь он мне доброе дело сделал, и я вины в нем не нахожу». И это сказал, не дождавшись от него поклона, а сам быстро поприветствовал земледельца со старанием, с великим смущением поклонился ему до земли, и с большой любовью к Христу целование ему дал, и, благословив, очень хвалил поселянина. И не только это, но взял его за руку

преподобный и посадил справа от себя, заставляя есть и пить; с честью и с любовью угощение сотворил ему. Он же печален был, говоря себе: «Сергия ради потрудился сюда прийти и видеть его, но не получил желаемого».

Преподобный Сергий сказал ему: «Не печалься, здесь есть милость божия, ибо никто печальным отсюда не уходит, о ком печалишься и кого ищешь, сейчас бог даст тебе того». И пока он это говорил, приехал в монастырь некий князь с гордостью и славой, и большой полк был с ним, бояре и отроки. И впереди идущие, и свита княжеская поселянина этого взяла за плечи руками и оттолкнули его далеко от князя и от Сергия. И еще издали князь поклонился Сергию до земли, и Сергий благословил его, и, поцеловавшись, сели они вдвоем, а остальные стояли.

Поселянин же бродил вокруг в поисках игумена. Раньше гнушаясь и брезгуя им, теперь искал его, чтобы прикоснуться к нему, поглядеть на него, припасть к нему, но нигде не мог найти его. И спросил одного из стоящих впереди: «Кто есть тот монах, сидящий справа от князя, поведай мне?» Он же посмотрел на него и сказал: «Ты что — не здешний? Неужели ты не слышал о преподобном отце нашем Сергии? Тот, кто говорит с князем, — он и есть». Тот же, услышав, осудил себя и затрепетал.

Когда князь вышел из монастыря, тогда поселянин взял с собой нескольких монахов и с ними, забежав вперед, кланяясь до земли игумену, говорил: «Отче! Насколько был нечестив, насколько согрешил, прости меня и помоги моему неверию. Ныне познал воистину тебя, отец, все, что слышал о тебе, то и увидел».

Преподобный же Сергий, простив его и благословив, побеседовал с ним душепитательными, утешительными словами и отпустил его в дом свой. И с тех пор тот человек великую веру имел к святой троице и к преподобному Сергию до самой смерти. И через несколько лет пришел из села в монастырь к преподобному, и постригся в монашеский чин, и пробыл несколько лет в покаянии, и в исповедании, и в исправлении, и преставился к богу.

Нужно еще о других устройствах чудес и о даре прозорливом вспомнить, и в чудесное предание слово обратим. Настоящее же говорится о епископе Стефане, который был муж добродетельный и житием благоговейный, который с детства сердечной чистотой славился. Стефан многими добродетелями прославился и, как рассказывают, имел он любовь христианскую духовную, премногую к блаженному отцу нашему святому Сергию.

Как-то случилось ему путешествовать от епархии своей, Пермию называемой, к господствующему граду Москве. Путь же этот, по которому шел епископ, отстоит от монастыря святого Сергия верст на 10 или больше. И задумал он, поспешая в путь, не быть у святого в обители, но когда будет возвращаться в свою, тогда и прийти в обитель к преподобному.

Когда чудный епископ Стефан был против обители святого, он остановился, сотворил «Достойно есть» и обычную молитву и поклонился святому Сергию в ту сторону, где жил он, сказав так: «Мир тебе, духовный брат!» Блаженный с монахами тогда трапезничал. Поняв тотчас же духом, что сотворил епископ Стефан, во время трапезы святой встал, немного постоял, молитву сотворил, поклонился и сказал: «Радуйся и ты, пастух христово стада, и мир божий да пребудет с тобою».

Монахи же удивились тому, что святой встал раньше установленного времени. Поняли некоторые из них, что не напрасно встал святой, но что-то за видение посчитал. По окончании трапезы начали ученики его вопрошать о бывшем. Он же все рассказал им, говоря: «Ибо в сей час епископ Стефан идет к граду Москве, и против нашего монастыря поклонился святой троице, и нас, смиренных, благословил». Назвал он и место, где был епископ. Некоторые из учеников его помчались в названное место, желая узнать, так ли это. Когда догнали епископа с его спутниками, спросили: «Правда ли это?» И, узнав истину, сказанную святым, дивились прозорливому его дару, какого сподобился святой, и хвалу воздали богу, прославляющему святых своих угодников.

Стефан, брат святого по плоти, о котором прежде рассказывал вам, привел к Сергию сына своего, Федора, 12 лет, и отдал его в руки святого; Сергий и сподобил его иноческому образу. И когда пребывал он у святого в полном послушании, жизнь добродетельную проводя, тело свое изнуряя полным воздержанием, многие ему дивились. Чудно было и то, что никогда же свои помыслы от преподобного не таил он как ночью, так и днем.

Когда он был в чине совершенном и священству сподобился, пришла ему мысль, как бы найти место и основать монастырь-общежитие. И пришел и исповедал преподобному помысл свой, и не раз, а многократно. Святой же, увидев его утвердившимся в этой мысли, подумал, что это нечто божие. И спустя время благоразумный пастырь благословляет Федора и отпускает. И нашел тот место красивое для

постройки монастыря близ реки Москва, названием Симоново.

Об этом услышав, святой пришел посмотреть место и увидев, что место подходящее для этого строения, разрешил ему. Федор благословение от архиерея получил и создал церковь на том месте во имя пречистой владычицы нашей богородицы, честного ее рождения. И так основал монастырь, все по чину стройно и необыкновенно, и общежитие учинил, как подобает по преданию святых отцов, в славу божию, монастырь чудный, и множество монахов из различных сторон собралось, ибо слава большая во все стороны о Федоре простерлась, ибо многие приходящие великую пользу от него принимали, наставляемые, и видели Федора в добродетелях сияющего, и в телесном возрасте, и в благолепии большом, и в премудрости и в разуме, многограсудительного. И за многие добродетели всеми почитаем был, и день ото дня росла слава о нем, как некогда и старца святого Сергия, который пекся о чести и славе его и молитвы непрестанно о нем к богу возносил, чтобы Федор благополучно свершил течение своей жизни.

Многие ученики Федора в добродетелях прославились, произведены были в честные игумены, даже и на епископство поставлены в великодержавные города. В некое время пришлось этому чудному мужу Феодору в Царьграде быть, и там патриархом вселенским владыкой Нилом был он почтен и у архимандритов всех русских старейшинства удостоился. В это же время Феодоров монастырь Симонский, честнейший на Руси, строился в патриаршее имя, а на другом месте основана была церковь каменная архимандритом Феодором, чудная весьма, во имя пречистой богородицы, честного ее успения. И на том месте благодатью Христовою устроен был монастырь славный, который и доньше всеми видим и почитаем.

И стало известно, что по попущению божию за грехи наши ордынский князь Мамай, * двинув силу великую, всю орду безбожных татар, идет на Русскую землю. И были все люди в великом страхе притесняемы. Князь же великодержавный, который тогда скипетры русских стран держал, достохвальный и победоносный, — великий Дмитрий — пришел к святому Сергию. Имел он великую веру к святому старцу и хотел спросить его, велит ли ему идти против безбожных татар: ибо знал его как мужа добродетельного и дар пророчества имеющего.

Святой же, услышав это от великого князя, благословил его, молитвою вооружив, и сказал: «Подобает тебе, госпо-

И так увидел архиерей, что святой непреклонен, и не стал ему больше об этом говорить, убоявшись, что он опечалится, отойдет во внутреннюю пустыню, и тогда такого светильника лишатся, и, утешив его словами духовными, отпустил его в монастырь.

Как-то блаженный отец молился в обычном своем правиле пред образом матери господя нашего Иисуса Христа и, часто взирая на икону, говорил: «Пречистая мать Христа моего, печальница и заступница, крепкая помощница роду человеческому! Будь нам, недостойным, заступницей, постоянно молясь к сыну своему и богу нашему, чтобы призрел святое место это, вверенное тебе в похвалу и честь святому имени во веки».

Когда же он помолился и пропел благодарный канон пречистой, называемый акафистом, свершив церковное правило, сел немного отдохнуть и сказал ученику своему Михею: «Чадо! Бди и бодрствуй, ибо посещение чудное будет нам сейчас». И когда он это говорил, тотчас же голос послышался: «Пречистая грядет!»

Святой, услышав, быстро вышел из кельи в придел, и свет великий осенил его ярко, сильнее солнца сияющий, и тотчас видит пречистую с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в неизреченной светлости сияющих. И как увидел святой, пал ниц, не в силах терпеть нестерпимую эту жарю. Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, сказав: «Не бойся, избранник мой. Пришла посетить тебя; услышана была молитва твоя об учениках твоих, когда о них молился, и об обители твоей. Не печалься о прочем, ибо отныне всем будет изобиловать обитель и не только при жизни твоей, но и после твоего отхождения к господу неотступна буду от обители твоей, потребное подавая щедро». И, сказав так, стала невидима. Святой же в иступлении ума страхом и трепетом великим был одержим, и, придя в себя помалу, нашел ученика своего лежащим от страха, как мертвого, и поднял его.

Он начал кидаться в ноги старцу, говоря: «Скажи мне, отче, господя ради, что это за чудное видение было? Едва дух мой не разлучился с плотью из-за великолепного видения».

Святой же радовался душою, в то время как и лик его сиял радостью, и ничего не мог ответить, только это: «Потерпи, дитя, ибо и во мне дух мой трепещет от чудного видения». Они стояли и дивились. Вскоре сказал ученику своему: «Дитя, призови мне Исаака и Симона». И когда они пришли, рассказал им все подряд,

как видел пречистую с апостолами и какое обещание изрекла чудная святому. Услышав это, радости неизреченной исполнились они, и вместе отпели молебен богоматери, и прославили бога. Пребывал святой всю ночь без сна, думая о неизреченном видении.

Когда служил блаженный божественную литургию, помянул ученика своего, еклисиарха* Симона, о котором святой старец говорил, что ведет он жизнь совершенную. И этот Симон узрел чудное видение: когда служил святой, увидел он огонь, горящий на жертвеннике, осеняя алтарь и святые трапезы окружающая. И когда святой хотел причаститься, тогда божественный огонь засиял, как некая плащаница, и вошел в святой потир.* И так преподобный причастился. Симон же, увидев это, ужаса и трепета преисполнился и изумился. Святой же, отойдя от жертвенника, понял, что Симон видение чудное наблюдал, призвал его и сказал: «Чадю, почему утрашилсЯ дх твоЙ?» И сказал: «Господи, видел чудное видение — благодать святого дха, общающегося с тобой». Святой же запретил ему, сказав: «Никому не говори, что ты видел, пока господь не сотворит мне отхождение от жития сего». И общую хвалу воздали господу.

Жил святой годы в добром воздержании, труде и несповедимые, несказанные чудеса показал, и в старость глубокую пришел, нимало от божественных пеней или служений не отходя. И чем больше старился возрастом, тем больше укреплялся, и рос усердием, и божественные подвиги мужественно совершал, будто и не побеждаем был старостью, но ноги его день ото дня все больше деревенели, ибо приближался он к кончине. За шесть месяцев до кончины он понял, что преставится, призвал монахов и вручил старейшинство своему ученику, по имени Никон, бывшему в добродетели совершенному и во всем следующему своему учителю, телом молодому, умом же весьма сединами убеленному, что впоследствии проявил, чудеса показав. Ему Сергей и напутственное слово сказал: велел пасти стадо христиненитое внимательно и справедливо, ибо слово хотел сказать не о себе, а о многих. И так великий подвижник, верою благочестивейший — неусыпаемое обуздание, непреыхающий источник, желанное имя, — начал безмолствовать и в сентябре месяце в телесный недуг впал. И, видя, что настало время отойти к богу и естеству отдать долг, дх же желанному Иисусу предать, призвал новонизбранное стадо, и беседу простер подобающую, и, пользе поучив, сказал, что непрестанно в православии надо пребывать, едино-

мыслие дружеское хранить завещал, иметь чистоту душевную и любовь нелицемерную, от злых и от скверных похотей отлучиться, пищу и питье иметь смиренное, больше всего смиренном украшаться, страннолюбия не забывать, от супротивословия удаляться, жизни земной честь и славу не возносить, но вместо этого от бога мздовоздаяния ожидать, небесных благ вечного наслаждения. И прочего много наказал, сказав: «Я к богу, зовущему меня, отхожу от вас. Предаю вас всемогущему господу и его пречистой богоматери, да будет вам прибежище и защита от сетей вражьих и оскорблений их». И в самый конец, когда хотел от телесного союза отрешиться, владычного тела и крови причастился — а ученик руками его немощные члены поддерживал, — поднял к небу руки, молитву сотворил, чистую и священную свою душу с молитвою господу предал в лето 1391 месяца сентября 25-го. Жил же преподобный 78 лет.

Излилось тогда благоухание великое и неизреченное от тела святого. Монахи же с плачем и рыданием сокрушались и на одре честное и трудолюбное тело положили, псалмопением и надгробным пением его провожая. Ученики слез источники пролили, кормчего лишившись, с учителем и отцом разлучения не вынося, плакали, желая умереть вместе с ним. Лицо святого светилось, как снег, а не как обычно у мертвого, но как у живого или у ангела божия, показывая душевную его чистоту и мздовоздаяние от бога трудам его. Положили честное его тело в обители, им же созданной. И после кончины чудеса произошли: и расслабленных членов укрепление, и от лукавого духа людям освобождение, и слепых прозрение, горбатых выпрямление, как только они к раке приближались. Хоть и не хотел святой при жизни славы, но крепкая сила божия его прославила, перед ним летели ангелы, когда он преставился, провожая его к небесам, двери открывая ему райские и в желанное блаженство вводя, в покои праведные, где свет ангельский и всесвятой троицы озарение принял, как и подобает постнику. Таково было течение жизни святого, таково дарование, таково чудотворение — и не только при жизни, но и после смерти, что и невозможно описать.

Сравним его с теми, кто древле просиял добродетелями жития и мудростью, и увидим, что воистину ни в чем он не уступал им, тем божественным мужам: после Великого Моисея и вслед за ним Иисуса собороводцем он был, и пастырем для многих людей, и воистину стяжал незлобие

Иакова и страннолюбие Авраама, будучи законоположником новым, и наследником царствия небесного, и истинным правителем всей своей пастве. Не преисполнил ли он пустынь свою благопопечением многих? Если рассудителен был великий Савва, общему житию правитель, то сей не стяжал ли после него доброе рассуждение о себе, многие монастыри — общежитие проходящих — воздвигая? Не обладал ли он дарованием чудотворства, как и тот, прежде него прославленный, и не прославил ли его бог, не сделал ли его именитым на всей земле?

Восхваляем мы его не как похвалы требующего, но так, как он о нас молится, во всем подобен страстотерпцу Христу. Но не будем слишком многоречивы. Ибо кто сможет по достоинству святого прославить?

дин, заботиться о врученном от бога христоименитом стаде. Иди против безбожных, и, так как бог помогать тебе будет, победишь, и в здравии в свое отечество с великими похвалами возвратишься».

Великий же князь сказал: «Если мне бог поможет, отче, поставлю монастырь во имя пречистой богоматери». И это сказав, принял благословение и уехал спешно. И, собрав все свои силы, поспешил против безбожных татар. И, увидев сил их великое множество, стал сомневаться, большим страхом объят, размышляя, что делать. И внезапно в этот час от святого приспел скороход с посланием, говорившим: «Без всякого сомнения, господин, с дерзновением иди против свирепства их, не ужасайся, всяко тебе поможет бог».

И тотчас князь великий Дмитрий и все воинство его от этого большую храбрость восприняло и выступило против поганых. И сразились, и многие тела пали, и бог помог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и окончательной пагубе преданы были.

Достохвальный и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу над супротивными варварами одержав, возвратился в светлой, большой радости в свое отечество, и немедленно пришел к старцу святому Сергию, благодарность ему воздавая за доброе пророчество, и всесильного бога прославляя, и за молитвы благодаря старца и монахов, и в веселии сердца поведал о том, как возвеличил господь милость свою на нем. И милостыню большую монастырю дал, и напомнил великодержавный старцу, что обещал, и хотел быстрее в дело воплотить: пречистой Богоматери монастырь во имя ее устроить там, где найдется место, подходящее для строительства.

Старец Сергей пошел, искал место удобное на реке, называемой Дубенка. И пожеланием великого князя на том месте святой Сергей церковь поставил во имя пречистой богоматери, во имя успения владычицы нашей богородицы. Через некоторое время при помощи великодержавного стал монастырь прекрасен, богат. Вручил же святой игуменство одному из учеников своих, по имени Савва, мужу весьма добродетельному.

В то время великодержавный князь великий Дмитрий умолил святого старца Сергия, чтобы в Коломне, на родине его, в Голутвине, пришел благословить место для монастыря во имя святого богоявления, и сам место благословил, и церковь воздвигнул. Преподобный, имея обычай всегда пешком ходить, послушал великого князя веры его ради,

пришел в Коломну, и благословил место, которое великодержавный возлюбил, и церковь воздвигнул во имя святого богоявления.

Умолил Дмитрий Сергия, чтобы дал одного из своих учеников на строительство монастыря, и дал он ему одного из учеников своих, Григория-священноинока, мужа благоговейного и многих добродетелей исполненного. И вскоре большое братство собралось, и составилось общежитие; божиею благодатью монастырь честной и великим князем, и всеми возлюблен и донныне всяческих благ.

Блаженный митрополит Алексей на старости, почувствовав себя изнемогающим и к концу приближающимся, призвал святого Сергия, и тот пришел, и побеседовали они, и повелел митрополит вынести крест, с парамандом, золотом и драгоценными камнями украшенный, и подарил святому. Он же со смирением поклонился, сказав: «Прости меня, владыко, ибо от юности не был златоносец, в старости же тем более хочу в нищете пребывать». Архирей же ему сказал: «Знаю, возлюбленный, как это исполняешь ты, но сотвори послушание и прими от нас данное тебе благословение».

И возложил своими руками на святого, как некое обручение, и сказал святому: «Знаешь ли, преподобный, для чего призвал тебя, что хочу для тебя сотворить?» Святой отвечал: «Как я могу, господин, знать?» Он же сказал ему: «Содержал я богом врученную мне Русскую митрополию, как бог хотел. Ныне же вижу себя к концу приближающимся, только не знаю дня кончины моей. Желая же при жизни своей обрести мужа, могущего после меня пасти стадо христово. Но во всех сомневаюсь. Тебя одного избрал, ибо достоин ты нести слово истинное: ибо знаю, что от великодержавных господ и до последних все тебя требуют. И сначала епископским саном наделен будешь, а после смерти моей мой престол примешь».

Святой, услышав это, очень оскорбился, как будто за большую напраслину посчитал для себя это, и архиерею ответил: «Прости меня, владыко, ибо выше моей веры то, что ты говоришь. И этого во мне не найдешь никогда. Кто я такой — грешный и худший из всех человек?»

Архирей много слов говорил старцу из божественных писаний, желая склонить его исполнить волю свою. Но смиренный Сергий не согласился и сказал: «Владыко святой! Если не хочешь отогнать мою нищету от того, чтобы слушал святые слова твои, более не говори и никому другому не веди, так как никто этого во мне найти не может».

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

Повесть о житии святых новых чудотворцев муромских, благоверного, и преподобного, и достохвального князя Петра, * нареченного во иночестве Давидом, и супруги его, благоверной, и преподобной, и достохвальной княгини Февронии, нареченной во иночестве Евфросинией Благословенной, отче.

Слава богу отцу и единосущному сыну, слову божию и пресвятому и животворящему духу, единому божьему естеству безначальному, вместе в троице воспеваемому, прославляемому, почитаемому, превозносимому, исповедуемому, в которого веруем и которого благодарим. Слава создателю и творцу невидимому и неопisanному, искони самосильно премудростью своей все совершающему и все созидающему, просвещающему и прославляющему, все, что он хочет, своим самовластьем. Сначала создал бог на небе ангелов, духов и слуг своих, огнем палящих, умные чины, бестелесное воинство, их же величество неисповедимо. Также сотворил бог все невидимое, что непостижимо уму человеческому. Сотворил он видимые небесные стихии: солнце, и луну, и звезды. И на земле же давно создал он человека по своему образу и от своего трисолнечного божества подобие тричисленное даровал ему: ум, слово, и дух живой. И пребывает в людях ум — отец слову, слово же исходит от него, как сын посылаемый, на нем же почитет дух, ибо у каждого человека из уст слово без духа исходить не может, но дух вместе со словом исходит, а ум начальствует. Но не будем продолжать слова о сотворенном человеке, а вернемся к своему повествованию.

Безначальный бог, создав человека, почтил его, и над всеми земными тварями царем поставил, и любил в чело-

веческом роде всех праведников, грешников же миловал, желая всех спасти и в разум истинный привести.

Когда же отцовским благоволением и своим хотением, споспешествуемый святым духом, один от троицы, сын божий, не иной какой, и тот же бог-слово, сын отчий, благоволил родиться на земле плотью от пречистой девы Марии, и был человеком, не изменив божества, и хотя ходил он по земле, но от отцовских недр не отлучался. И в страстях его божественное существо бесстрастно пребывало. Бесстрастие же его неизреченно и его невозможно никакой притчею передать, невозможно ни с чем сопоставить, поскольку все твари его, в твари же его узнаем бесстрастие, ибо если какое-либо дерево, стоящее на земле, будет срублено тогда, когда сияет на него солнце с небес, то оно будет страдать, а эфир солнечный от этого дерева не отступит и будет срублен вместе с ним, не страдая.

Говорим же о солнце и дереве, поскольку они твари божии, зиждитель же и создатель неизреченен. Он пострадал за нас плотью, грехи наши на кресте пригвоздил, искупил нас от миродержца лъстеца дьявола ценою крови своей честной. Об этом говорит сосуд избранный Павел: «Не будьте рабами людей купленных». После распятия же господь наш Иисус Христос на третий день воскрес, а в сороковой день вознесся на небеса и сел справа от отца, а в пятидесятый день от отца послан был дух святой на святых учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И сколько во Христа крестились, во Христа облеклись. Если же во Христа облеклись, то пусть не отступают от заповедей его, не так, как лъстецы и соблазнитель, которые после крещения оставляют заповеди божии, прельщенные красотами мира сего, а так, как святые пророки и мученики и все святые, Христа ради страдавшие от скорбей, от бед, тесноты, ран, в темницах, нестроениях, в трудах, бдени, постах, очищении, разуме, долготерпении, благодати, в духе святом, в любви нелицемерной, в словах истинных, в силе божией,— что ведомо единому знающему тайны сердечные,— ими же он землю просветил, как небо звездами украсил, и почтил их чудотворениями, одних — молитв ради, и покаяния, и трудов, других — мужества ради и смирения, как и этих святых прославил, о них же и наша речь пойдет.

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Как рассказывают, в нем самодержествовал благоверный князь по имени Павел. Искони ненавидящий добро в

роде человеческом, дьявол вселился в неприязненного змея, летающего к жене князя того на блуд. И явился он ей в своем естественном облике, а людям, приходящим к князю, являлся князем, сидящим с женой своей. В таком наважде-нии протекло немало времени. Жена этого не таила и рассказала обо всем князю, мужу своему. Змей же неприязнен-ный насиле творил над ней.

Князь думал и не мог придумать, что ему сделать со змеем. И сказал он жене: «Я не могу придумать, что мне сделать с неприязненным змеем. Не знаю я, как его умертвить. Если будет он с тобой говорить, то исхитрись и спроси его об этом: знает ли он, - неприязненный, отчего ему умереть. Если узнаешь об этом и нам расскажешь, то освободишься не только в нынешний век от злого его дыхания, и шипения, и распутства, о чем стыдно и говорить, но и в будущий век сделаешь своим нелицемерным судьей милостивого Христа». Жена твердо приняла в сердце слова мужа своего и решила: «Хорошо, так и будет».

Однажды пришел к ней неприязненный змей. Она же, хорошо помня слова своего мужа, начала змею многие льстивые слова говорить и в конце с почтением спросила его, похвалив: «Многое на свете ты знаешь, а знаешь ли ты о своей кончине, какова она будет и от чего?» Он же, неприязненный прельститель, был сам обманут, прельщенный верною женой, и не побоялся ей свою тайну поведать: «Смерть моя от Петрова плеча, от Агрикова меча». * Жена, услышав ту речь, в сердце это твердо сохранила, и когда неприязненный змей ушел от нее, она рассказала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Услышав это, князь не мог понять, что означают слова: «Смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча».

Был у него родной брат, по имени князь Петр. Однажды призвал он его к себе и поведал ему речи змея, что говорил тот жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал причиной смерти своей тезоименитого ему человека, не сомневаясь в своем мужестве, стал думать, как ему убить змея. Но только одно сомнение было у него: не знал он, где Агриков меч.

Имел Петр обыкновение ходить по церквам, уединяясь. За городом была в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Туда пришел Петр один помолиться. Там явился ему отрок и сказал: «Князь, хочешь я покажу тебе Агриков меч?» Князь, хотя желание свое осуществить, сказал: «Покажи, где он?» Отрок ответил: «Иди за мной». И показал ему в алтарной

стене в нише между двумя глиняными плитами лежащий меч. Благоверный же князь Петр взял тот меч, пошел и рассказал об этом брату своему. И с этого дня стал выжидать подходящее время, чтобы убить змея.

Каждый день ходил он к брату своему и снохе своей на поклон. Случилось ему прийти в хоромы к брату своему, а затем сей же час пошел к снохе своей в другой покой и увидел сидящего у нее брата своего. Когда он от нее вышел, то, встретив одного из слуг брата, спросил: «Вышел я от брата моего к снохе моей, оставив брата в своих хоромах. Нисколько не медлив, я быстро пришел в покой снохи моей, и не знаю и удивляюсь, как брат мой вперед меня очутился в покое снохи моей?» Тот человек ответил Петру: «Никуда, господин, после твоего ухода брат твой не выходил из хором своих!» Петр понял тогда, что это было пронырство лукавого змея. Он пришел к брату и спросил: «Когда сюда пришел? Я ведь от тебя из этих хором вышел, и, нигде не задерживаясь, пришел в покой к жене твоей, и увидел тебя там с нею сидящим, и удивился, как ты прежде меня там очутился. Пришел снова к тебе, вновь нигде не задержавшись, ты же, не знаю как, меня обогнал и раньше меня здесь очутился». Павел же сказал: «Я, брат, никуда из хором этих после твоего ухода не выходил и у жены своей не был». Князь Петр на это сказал: «Вот оно, брат, пронырство лукавого змея: он мне тобою является. Если я хотел бы его убить, то не посмел бы, думая, что это мой брат. Теперь же ты, брат, никуда отсюда не выходи. Я же туда пойду бороться со змеем и с божьей помощью постараюсь его лукавого убить».

И взяв Агриков меч, пришел в покой к снохе своей. Там увидел он змея в облике брата своего и, твердо убедившись, что это не брат его, а прельститель змей, ударил его мечом. И явился змей в своем подлинном облики, и стал извиваться, и издох, обагрив блаженного князя Петра кровью своей. Петр же от неприязненной той крови покрылся струпьями и язвами, и заболел он тяжкой болезнью. И искал он в своем владении исцеления у многих врачей, и ни от одного не мог получить.

Слышал Петр, что много есть врачевателей в Рязанской земле, и приказал он себя туда повезти, ибо сам он не мог сидеть на коне из-за великой своей болезни. Привезли его в пределы Рязанской земли, и послал он сановников своих искать врачей.

Один из предстоящих ему юношей уклонился в село

котором я смогу соткать полотно». Слуга принес князю обрубок от поленца и передал слова девицы. Князь же ответил: «Иди и скажи девице, что невозможно из столь малой деревяшки в столь короткий срок такое устройство сделать!» Слуга, придя, передал ей княжескую речь. Девица ответила: «А разве возможно взрослому мужчине из одного пучка льны за то короткое время, пока он будет находиться в бане, сделать сорочку, штаны и полотенце?» Слуга ушел и все передал князю. Князь же подивился ответу ее.

И через некоторое время пошел князь Петр в баню мыться и по повелению девицы помазал язвы и струпы свои мазью. А один струп оставил он, по повелению девицы, непомазанным. Вышел он из бани и не почувствовал своей болезни. Утром увидел свое тело здоровым и чистым, остался только один струп, не помазанный им по повелению девицы. И подивился он своему быстрому исцелению. Но не захотел он взять девицу себе в жены из-за ее происхождения и послал ей подарки. Она же их не приняла.

Князь Петр поехал в отчину свою, город Муром, здоровым. Оставался на теле его только один струп, не помазанный по повелению девицы. И от этого струпа начали снова струпы по телу его расходиться, с того самого момента, как поехал он в отчину свою. И вновь тело его, как и прежде, покрылось многими струпами и язвами.

И вновь возвратился князь на исцеление к той девице. И когда он подошел к дому ее, то со стыдом послал к ней и просил вылечить его. Она же, нисколько на него не сердясь, сказала: «Если князь будет моим мужем, то будет исцелен». Он же дал ей твердое слово, что возьмет ее в жены. Она же вновь, как и прежде, то же снадобье дала ему и предписала. Он же, вскоре исцеление получив, взял ее себе в жены. Вот по такой причине и стала Феврония княгиней.

Пришли супруги в отчину свою, город Муром, и жили там в благочестии, соблюдая все божии заповеди.

Немного времени спустя прежде упомянутый князь Павел отходил от жизни сей. Благоверный же князь Петр после смерти брата своего становится единым самодержцем града своего.

Княгиню же его Февронию бояре не любили по наущению своих жен, поскольку не была она княгиней по происхождению, бог же прославлял ее за добродетельную жизнь.

Однажды один из слуг пришел к благоверному князю Петру и стал наговаривать на княгиню: «Из-за стола, говорит, она бесчинно выходит. Прежде чем встать, она собирает крошки в руку свою, словно голодная!» Благоверный же князь Петр, желая ее проверить, повелел ей обедать с ним за одним столом. И когда обед закончился, княгиня, по обыкновению, собрала хлебные крошки в руку свою. Князь Петр взял ее за руку, разжал ей пальцы и увидел внутри благовонный ливан и фимиам. И с этого дня прекратил ее проверять.

Но через некоторое время пришли к нему с яростью бояре и стали говорить: «Все мы, князь, хотим верно служить тебе и самодержцем тебя иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония над женами нашими господствовала. Если хочешь ты быть самодержцем, то избери себе другую княгиню, Феврония же, взяв себе достаточно богатства, пусть идет, куда хочет!» Блаженный же Петр, как обычно, без всякой ярости, со смирением ответил: «Скажите обо всем Февронии и послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, исполнившись бесстыдства, задумали устроить пир. Что и сделали. И когда все развеселились, раздались их бесстыжие голоса, словно псы лающие, желали они отнять у святой божий дар, с которым бог обещал ей быть неразлучной и после смерти. И говорили они ей: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: отдай нам то, что мы у тебя просим!» Она же им отвечала: «Возьмите то, что просите!» Они же единодушно воскликнули: «Мы, госпожа, все хотим князя Петра, пусть он нами правит. Тебя же жены наши не хотят, не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв достаточно себе богатства, иди, куда хочешь!» Отвечала им она: «Обещала я вам дать то, что вы попросите. Я же вам говорю, дайте и мне то, что я попрошу у вас». Они же, злые, рады были и, не ведая, что будет, поклялись: «Что ты скажешь, то безо всякого прекословия возьмешь». Она же сказала: «Ничего иного, кроме супруга своего Петра, не прошу я у вас!» На это они оветили: «Если сам он захочет, то ничего тебе не скажем». Враг помутил их мысли, и каждый из бояр в уме своем держал, что если не будет князем Петр, то поставят себе другого самодержцем и каждый из них желал стать им.

Блаженный же князь Петр не возлюбил временного самодержства, а держался божних заповедей и их путями шел, как вещает блаженный Матфей в своем благовествовании: «Тот, кто отпустит жену свою из-за слова прелюбо-

Ласково. И пришел он к воротам одного дома, и не увидел там никого. Вошел он в дом и увидел чудное виденье: внутри сидела одна девица, ткала полотно, а перед ней прыгал заяц.

И промолвила девица: «Не хорошо быть дому без ушей и без очей!» Юноша же не понял тех слов и спросил девицу: «Где находится мужчина, который здесь живет?» Она же ответила: «Отец и мать мои пошли взаимы плакать. Брат же мой ушел через ноги в глаза смерти смотреть».

Юноша тот не понял слов ее и удивился, видя и слыша столь чудные вещи, и спросил он девицу: «Когда вошел я к тебе, то увидел тебя занятую делом и зайца перед тобой скачущего, а потом услышал из уст твоих странные слова, и не понял я, о чем ты говоришь. Сначала ты сказала: «Не хорошо быть дому без ушей и без очей». Про отца же своего и мать сказала, что пошли они взаимы плакать, а о брате своем — что пошел он через ноги в глаза смерти смотреть. И ни единого слова твоего я не понял». Она же ответила ему: «Ты этого не понимаешь? Прийдя в дом сей и войдя в горницу мою, увидел ты меня в будничной одежде. Если бы был в доме нашем пес, то он, почуяв тебя, к дому подходящего, залаял бы на тебя: это — уши дому. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидев тебя, к дому подходящего, сказал бы мне: это — очи дому. А когда сказала тебе про отца и про мать, что отец мой и мать пошли взаимы плакать, то это значит, что пошли они на похороны и там плачут. Когда же они сами умрут, то другие станут плакать по ним — это и есть заемный плач. Про брата же тебе сказала, потому что отец мой и брат древолазцы — бортники, собирают в лесу с деревьев мед. Теперь брат мой ушел на это дело, и когда он влезет высоко на дерево и через ноги с высоты посмотрит вниз, то подумает, как бы ему не сорваться с высоты. Если же кто сорвется, тот жизни лишится. Поэтому и сказала я, что пошел он через ноги в глаза смерти смотреть».

Промолвил ей юноша: «Вижу, девица, что ты мудра. Скажи мне имя свое». Она ответила: «Имя мое Феврония». Тот юноша сказал ей: «Я служу муромскому князю Петру. Князь мой тяжело болен, покрыт язвами. Покрыли его струпы от крови неприязненного летающего змея, которого он своею рукою убил. От своей болезни искал он исцеления у многих врачей, и ни у одного не получил его. За тем и сюда велел привезти себя, поскольку слышал, что здесь много врачей. Но мы их не знаем, ни как

их зовут, ни домов их, ни где они живут, и потому расспрашиваем о них». Она же ответила: «Тот, кто потребует князя твоего к себе, может вылечить его». Юноша сказал: «Что ты говоришь? Кто может требовать князя моего к себе! Кто его вылечит, тому князь мой даст большое богатство. Но скажи мне имя того врача, кто он и где жилище его». Дева же ответила: «Приведи князя своего сюда. Ежели будет он мягкосердечен и смиренен в ответах, то станет здоровым!» Юноша быстро возвратился к князю своему и рассказал ему обо всем подробно, что видел и что слышал.

Благоверный же князь Петр сказал: «Везите меня к той девице». И привезли его в дом тот, где жила девица. И послал князь отроков своих, говоря: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть он вылечит меня и возьмет богатства много». Она же, не боясь, ответила: «Я хочу его вылечить, но богатства от него не требую. У меня к нему таково слово: если не стану его женой, то нет смысла мне лечить его». И пришел человек тот и поведал князю своему о том, что сказала девица.

Князь же Петр пренебрег словами ее, подумав: «Как мне, князю, взять в жены дочь древолазца!» И послал к ней, сказал: «Передай ей: каково ее врачевание — пусть лечит. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришедшие передали ей те слова. Она же, взяв небольшой сосуд, зачерпнула хлебной закваски, подула на нее и сказала: «Приготовьте князю вашему баню, и пусть он смажет этим струпы и язвы на теле своем. А один струп пусть оставит несмазанным. И будет он здоров!»

И принесли князю эту мазь. И приказал он приготовить баню. Девицу же захотел проверить, так ли она мудра, как слышал он от юноши своего. С одним из слуг своих послал он ей пучок льну и сказал: «Эта девица хочет быть моей женой благодаря своей мудрости. Если она мудра, то пусть из этого льну сделает мне рубашку, штаны и полотенце за то время, которое я буду находиться в бане. Слуга принес ей пучок льну, подал ей и сказал княжеские слова. Она же сказала слуге: «Влезь на печку нашу, и сними с шестка поленце, и принеси его сюда». Послушав ее, слуга принес поленце. Она же, отмерив его пядью, сказала: «Отруби здесь это поленце. Слуга отрубил. Она сказала ему: «Возьми этот обрубок от полена, и пойдя дай его князю своему, и скажи ему от меня: в то время, в какое я этот пучок льну расчешу, пусть князь твой делает из этой щепки ткацкий станок и все устройство, на

дейного и женится на другой, тот прелюбодеяние творит». Сей же блаженный князь по Евангелию поступил и, чтобы божие заповеди не нарушить, власть свою за ничто посчитал.

Они же, злочестивные бояре, дали Петру и Февронии суда на реке, — текла под городом тем река, называемая Окой. Они и поплыли по реке в судах. Был на судне у блаженной Февронии некий человек. На том же судне была и его жена. Тот человек, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с вожделением. Она же, разгадав злой помысел его, быстро обличила его и сказала: «Зачерпни воды из реки с этой стороны судна». Он почерпнул. И велела она ему выпить. Он выпил. И снова сказала ему: «Зачерпни воды с другой стороны судна». Он почерпнул. И велела ему снова выпить. Он выпил. Она же спросила: «Одинакова ли вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинакова, госпожа, вода». Тогда она ему сказала так: «И женское естество одинаково. Зачем же ты, свою жену оставив, думаешь о другой!» Понял тот человек, что есть у нее прозрения дар, и более не смел того помышлять.

С наступлением вечера остановились и расположились на берегу. Блаженный же князь Петр стал думать, что дальше с ними будет, поскольку он добровольно самодержавства лишился. Предивная же Феврония сказала ему: «Не горюй, князь, милостивый бог, творец и промыслитель, не оставит нас в нищите!»

На берегу блаженному князю Петру готовили еду на ужин. И повар его воткнул небольшие палки, на которые повесил котлы. После ужина святая княгиня Феврония пошла по берегу и увидела палки те, благословила их и сказала: «Пусть станут наутро большими деревьями с ветвями и листвой». Что и случилось. Встав наутро, все увидели, что те палки стали большими деревьями с ветвями и листвой.

И когда хотели слуги грузить их имущество с берега на суда, из города Мурома пришли вельможи и стали говорить: «Господин князь! От всех вельмож и от всего города пришли мы к тебе, не оставь нас сиротами и возвращайся на отчий престол. Многие вельможи погибли в городе от меча. Каждый из них хотел править, и сами себя губили. А оставшиеся в живых вместе со всем народом молят тебя, говоря: господин князь, прогневили мы тебя и раздражили, поскольку не хотели, чтобы княгиня Феврония господствовала над нашими женами, ныне же мы, со всеми домами своими, рабы ваши, и хотим вас, любим и молим, не оставьте нас, рабов своих!»

Блаженный же князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И державствовали в городе том, живя по всем заповедям Божиим без порока, пребывая в непрестанных молитвах, и были они милостивыми ко всем людям, под их властью находящимся, словно чадолюбивые отец и мать. Всех они одинаково любили, но терпели ни гордости, ни притеснений и богатств тленных не берегли, но от бога богатели. Были они городу своему истинными пастырями, а не наемниками. Правили городом своим истиной и кротостью, а не яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

Когда подошло время их благочестивого преставления, умолили они бога, чтобы им умереть в одно и то же время. И завещали они положить их обоих в одном гробу. И велели они сделать в одном камне два гроба, имеющих между собою только перегородку. Сами же они одновременно облеклись в монашеские одежды. И назван был блаженный князь Петр во иноческом чине Давидом, преподобная же Феврония названа во иноческом чине Евфросинией.

В то время преподобная и блаженная Феврония, названная Евфросинией, вышивала своими руками для храма пречистой соборной церкви Воздух, на котором были изображены лики святых. Преподобный же и блаженный князь Петр, названный Давидом, прислал к ней, говоря: «О сестра Евфросинья! Хочет уже душа моя отойти от тела, но жду только тебя, чтобы вместе умереть». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью я Воздух для церкви святой». Он же вторично послал к ней, говоря: «Немного подожду тебя». И в третий раз прислал он, говоря: «Хочу уже умереть и более не жду тебя!» Она же последние узоры воздуха того святого вышивала, одного только святого риз не вышила; вышив же лицо, прекратила она работу, воткнула иглу свою в Воздух и обернула ее ниткой, которой шила. И послала она ко блаженному Петру, названному Давидом, весть об одновременном преставлении. И помолившись, предали они святые свои души в руки Божии месяца июня в 25-й день.

Посли их смерти хотели люди положить блаженного князя Петра внутри города у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же — вне города в женском монастыре у церкви Воздвиженья честного креста, говоря, что в монашеском образе нельзя положить святых в одном гробе. И сделали им отдельные гробы, и положили в них тела: святого Петра, названного Давидом, положили в

отдельный гроб и поставили его в церкви святой Богородицы в городе до утра, тело же святой Февронии, названной Евфросинией, положили в отдельный гроб и поставили вне города в церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же гроб, который они повелели сами себе вытесать в одном камне, стоял пустой в том же храме соборной пречистой церкви, что внутри города. Утром проснувшись, люди нашли их отдельные гробы, в которых их положили, пустыми. Святые же их тела нашли внутри города в соборной церкви пречистой Богородицы в едином гробу, который они сами себе велели сделать. Неразумные люди, как при жизни их мятущиеся, так и после честного их преставления, опять переложили их тела в отдельные гробы и снова разнесли. И вновь наутро оказались святые в едином гробу. И после этого уже не смели прикасаться к их святым телам и положили их в едином гробу, в котором они сами велели, к соборной церкви Рождества пресвятой богородицы внутри города, что дал бог на просвещение и спасение городу тому, и те, кто с верою приходил к раке их мощей, неоскудное исцеление принимают.

Мы же, по силе, нашей, сложим им хвалу.

Радуйся, Петр, ибо дана была от бога тебе власть убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове имела ты мудрость святых мужей! Радуйся, Петр, струпы и язвы на теле своем носивший, доблестно скорби претерпевший! Радуйся, Феврония, от бога имевшая дар в девственной юности недуги целить! Радуйся, славный Петр, заповеди ради божией добровольно от власти отказавшийся, дабы не оставить супруги своей! Радуйся, дивная Феврония, ибо твоим благоволением в одну ночь небольшие палки выросли деревьями, вознесшими ветви и листья! Радуйся, честные головы, ибо в воздержании, в смирении, и в молитвах, и милостыни без гордости пожили, потому-то и Христос дал вам благодать, так что и тела ваши после смерти во гробе неразлучно лежат, а духом вы предстоите перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, после смерти своей исцеление с верой к вам приходящим невидимо подающие!

Молим мы вас, о преблаженные супруги, помолитесь о нас, творящих с верою память вам!

Да помяните и меня, многогрешного, написавшего житие это. Написал о том, что слышал, — не ведая, может быть, и другие о том написали, знающие более меня. Хотя я и грешен и груб, но уповаю на божии щедроты и благодать и на ваши молитвы ко Христу надеюсь, трудился я мыслями.

Хотел вас на земле хвалами почитать. Прославлены вы и венчаны на небесах истинными нетленными венцами от общего всем владыки Христа. Ему же подобает со безначальным его отцом вместе, и с пресвятым благом, и животворящим духом всякая слава, честь и поклонение ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ДОМОСТРОЙ

ПОСЛАНИЕ И НАСТАВЛЕНИЕ ОТ ОТЦА К СЫНУ*

Благословение от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному моему и единственному сыну Анфиму. Милое мое чадо дорогое! Послушай наставление отца твоего, родившего тебя и воспитавшего в добром поучении и в заповедях божьих, и страху божьему и божественному писанию научившего, и всякому закону христианскому, и заботам добрым, во всяких торговлях и во всех товарах всему научившего; и святительское благословение на себе несешь, и царское государя пожалование и государыни царицы, и братьев его, и всех бояр, и с добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами в большой торговле и в дружбе состоишь: все блага получил, так умей и делать по-божески. Все это начато нашим попечением, но и после нас сохранил бы тебя бог так же жить. И законным браком сочетал тебя от добрых родителей благодарную дочь, и благословил я тебя всякой святыней, и честными крестами, и святыми образами, и благословенным именем, которые все, я уверен, достались праведными трудами, и подтвердит это бог направляющий. Но теперь, сын Анфим, передаю тебя и препоручаю и оставляю создателю нашему доброму, хранителю Иисусу Христу и его матери, пречистой богородице и заступнице нашей, помощнице, и всем святым, как сказано в Писании: «Позаботься детей оставить наставленными в заповедях господних — и это лучше неправедного богатства: краше быть в праведном убожестве, нежели в неправедном богатстве». И ты, чадо, тоже берегись неправедного богатства и твори добрые дела, имей, чадо, великую веру в бога, все надежды возлагай на господя: ибо

никто, уповая на Христа, не погибнет! Всегда с верою обращайся к святым божьим церквам, заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не пропусти и не пропивай вечерней и ночной молитвы, и службы в доме твоём всегда бы и всякий день велись: для каждого христианина это долг перед богом. Если сможешь, со временем по своему желанию увеличишь службу и тем большую милость от бога получишь; а в церкви божьей и дома во время службы и во всяком молении и самому, и жене, и детям, и домочадцам стоять, со страхом богу молиться и со вниманием слушать и никогда в то время ни о чем не беседовать, не оглядываться, разве что очень нужно; службу келейную или церковную вести согласно и чисто, а не вразнобой; священников и монахов почитай: они ведь слуги божии, трудами их очищаемся от грехов, они имеют власть молиться за нас господу о наших грехах и склоняют бога к милости. Повинуйся, чадо, и жена твоя также отцу духовному и любому священнику во всяком духовном наставлении; в дом свой приглашай их помолиться о здравии царя-государя и царицы, и детей их, и братьев его, и за священников, и за монахов, и за всех христиан. И о своих согрешениях и о согрешениях своих домочадцев молебны совершай; и воду бы святили с животворящего креста и со святых мощей и с чудотворных образов. Во здравие елеем освящают больного в церквах божьих — так же и ты поступай: приходи с милостыней и с дарами во здравие, и преставившихся родителей поминай во всей чистоте, и сам будешь помянут богом. Церковников, и нищих, и маломощных, и бедных, и страдающих, и странников приглашай в дом свой и, как можешь, накорми, напои, и согрей, и милостыню давай от праведных своих трудов, ибо и в дому, и на рынке, и в пути очищаются тем все грехи: ведь они заступники перед богом за наши грехи. Имей, чадо, верную правду и любовь нелицеприятную ко всем, не осуждай никого ни в чем, о своих грехах поразмысли, как их избыть; чего сам не любишь, того и другому не делай, и сохраняй чистоту телесную пуше всего да наступи на совесть свою, как на лютого ворога, и возненавидь, как милого и погибельного друга; от хмельного питья, господя ради, откажись, ибо пьянство — болезнь и все плохие поступки им порождаются. Если от этого сохранит тебя господь, все благое и нужное от бога получишь, и будешь почтен и людьми, и душе своей путь отворишь на всякие добрые дела. Вспомни, чадо, апостольское слово: не надейтесь — ни пьяница, ни блудник, ни прелюбодей, ни содомлянин, ни вор, ни разбойник, ни клевет-

ник, ни убийца царства божьего не наследует! И если какая страсть тебя покорила, чадо, или в грех какой впал, с тем обратись к богу в искренней вере и к отцу духовному с горькими слезами, и оплачь грехи свои, и кайся по правде, что больше не станешь такого творить, поучение же отца духовного соблюдай и епитимью исполни: милостивый господь праведных любит, грешных милует, всех призывает к спасенью; и больше всего сбереги и сохрани себя в праведном христианском законе, удержи язык свой от злого и уста свои, чтобы не извергли лжи, храни себя от обмана, от похвальбы и от клеветы и сам ни в чем не заносись: унизь себя пуще всех людей — сподобишься славы божьей. Никого же, чадо, не презирай и во всякой нужде помни, как мы прожили век, никто не вышел из дома нашего голоден или печален, как могли, все нужно каждому человеку бога ради давали и печального словом вылечивали. Кому как можно, мы помогали бога ради и ссужали, как могли, и Христос нам невидимо в обилии посылал свою милость, всякие блага. И не помыслили мы никогда никому во зло, разве что по недомыслию, но без лукавства. Чадо, почитай монахов, и странники в доме твоём всегда бы кормились, также и в монастыри с милостыней и с кормом приходи, и заключенных в темницах, и убогих, и больных посещай, и милостыню посылно давай. И домочадцев своих одевай и корми в достатке, и жену свою люби, и в законе живи по заповеди господней: в воскресенье, и в среду, и в пятницу, и по праздникам господним и в Великий пост любви избегайте, живя добродетельно в посте, и в молитве, и в покаянии: жизнь по закону — во славу бога и ради вечного царства, а любодеев и прелюбодеев осудит бог. Что сам, чадо, делаешь, тому и жену учи, всякому страху божью, разному знанию, и ремеслу, и рукоделью, всяким делам и домашнему обиходу, и всем порядкам: сама бы умела и печь, и варить, и любое дело домашнее знала, и всякое женское рукоделье умела, — когда сама все знает и умеет сможет и детей и слуг всему научить, ко всему пристроить и наставить во всем. И сама бы хмельного питья никогда не любила, и дети и слуги у нее того не любили бы тоже, и никогда бы жена без рукоделья ни сама ни на час не оставалась, разве что заболает, и слуги ее также. Если же в гости пойдет или у ней гости, никогда бы сама пьяна не была, а с гостями беседовала о рукоделье, и о домашнем хозяйстве, и о праведном христианском житии, а не насмешничала бы и не болтала ни с кем ничего; в гостях и дома песен бесовских, и всякого сквернословия, и блудли-

вых речей, и грубых слов сама бы не произносила и того ни от кого бы не слушала и слуги ее также; и волхвов, и кудесников, и всяких заговоров не знала бы и в дом не пускала бы ни мужиков-колдунов, ни женок. Если же не понимает этого, сурово ее накажи, страхом спасая, но не гневайся на жену, а жена — на тебя. Поучай наедине, да, поучив, успокой, и пожалей, и приласкай ее, также и детей и домочадцев своих учи страху божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ за них дать в день Страшного суда. Если станете жить по нашему поучению и по этому написанию, великую благодать от бога получите и вечной жизни удостоитесь с домочадцами своими.

А еще держись, чадо, добрых людей всех чинов и званий и добрым делам подражай, внимай хорошим словам и исполни их. Почаще читай божественное писание и вложи его в сердце свое на пользу себе. Видел и сам, чадо, как в жизни этой жили мы во всяком благовании и в страхе божьем, и в простоте сердца, и в страхе и уважении к церкви, пользуясь всегда божественным писанием, и как были по божьей милости всеми мы почитаемы и всеми любимы, всякому в нужном угодил я и делом, и служением, и покорством, а не гордыней, порочащим словом не осуждал никого, не насмехался, не укорял никого, не бранился ни с кем, а пришла от кого обида — мы бога ради терпели и винули себя, и потому становились враги друзьями. А если какую вину душевную или телесную согрешил я пред богом и перед людьми, тотчас о том я винулся пред богом за грех свой и отцу своему духовному каялся со слезами и с сокрушением прося прощения, духовные его наставления с признательностью исполнял, что бы он ни повелед. И если кто в моем прегрешении или в каком невежестве меня уличит, или кто духовно наставит, или кто с насмешкой поносит меня и укоряет, — так все благодарно я принимал, если то было правдой, и каялся в том, и от дел таковых удалялся, если бог помогал мне. Если в чем и не повинен и не справедлива молва и брань, или насмешка какая, или укоризна, или удары, — все равно я во всем повинился, не оправдываясь перед людьми, и праведным своим милосердием бог восстановит правду. Вспоминал я слова Евангелия: «Любите врагов ваших, делайте добро ненавидящим вас, благословите клынущих вас, молитесь за творящих вам пакости, вас изгоняющих, ударяющему тебя по щеке подставь и вторую щеку, и не прелятствувай отнимающему у тебя одежду твою и сорочку, и каждому, просящему у тебя, подай, у отнимающего твое не востребуй, а если кто попросит

тебя пройти один переход,— пройди с ним два», и припомяная при том и молитву у причастия: «Господи мой, дай ты милость ненавидящим меня, и враждующим со мною, и поносящим меня, также и клеветующим на меня, пусть никто никогда из них из-за меня, нечистого и грешного, от зла не пострадает ни в нынешнем, ни в будущем веке, но очисти их милостью своею и покрой их благодатью своею, всеблагий!» И тем всегда утешал я себя, что не погрешил никогда против церковной службы от юных лет и до сего времени, разве что был болен, ни нищего, ни убогого, ни странника, ни скорбного, ни печального никогда не презрел я, разве когда по неведению, и из темниц больных и пленных, и должников из рабства, и во всякой нужде людей по силе своей выкупал я, и голодных, как мог, кормил, рабов своих всех освободил я и наделил их, а иных и из рабства выкупил и на свободу пустил я, и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут, как ты видишь, и молят за нас бога, и всегда нам содействуют. А кто и забыл нас — бог его простит во всем. А теперь домочадцы наши живут все свободны у нас в своей воле, видел ты сам, чадо мое, много ничтожных сирот, и рабов, и убогих, мужского полу и женского, и в Новгороде, и здесь, в Москве, вскормил и вспоил я до зрелости, обучил, кто чему достоин; многих и грамоте, и писать и петь, которых иконному письму, а каких и книжному искусству, тех серебряному делу и прочим всем многим ремеслам, а кого разной торговлей обучил заниматься. А мать твоя воспитала в добром наставлении многих девиц и вдов, ничтожных и убогих, обучила рукоделию и разному домашнему обиходу и, наделив приданым, выдала замуж, а мужчин поженила у добрых людей,— и все те, дал бог, свободны, живут состоятельно, многие в священническом и дьяконском чине, и в дьяках, и в подьячих, и во всяких чинах: кто во что уродился и в чем кому благоволил бог быть,— те занимаются разными ремеслами, а многие торгуют в лавках, многие и в купечестве в различных землях ведут торговлю. И божьею милостью у всех тех наших вскормленников и иждивенцев ни позор, ни убыток, ни денежной пени от людей, ни людям от нас, ни тяжб ни с кем не бывало: во всем бог сберег до сих пор. А от кого нам, от наших вскормленников, досада и убытки многие и большие бывали, так-то все мы сами снесли, никто о том и не слыхивал, а нас за то бог наградил. И ты, чадо, тому же подражай и так поступай: всякую обиду в себе пронеси и перетерпи, и бог вдвойне наградит. Не познал я другой жены, кроме матери твоей;

как дал ей слово, так и исполнил. О боже, Христе, удосто́й закончить жизнь свою по-христиански в заповедях твоих! Живи, чадо, по христианскому закону во всех делах без лукавства и без всякой хитрости во всем, да не всякому духу верь, доброму подражай, лукавых и закон престающих во всяких делах отнюдь не привечай. Законный же брак со всей осторожностью соблюдай до конца своей жизни, чистоту телесную сохрани, кроме жены своей, не знай никого и также пьянственного недуга берегись: в тех двух причинах все зло заводится вплоть до преисподнего ада: и дом пуст — богатству разорение, и богом не будет помилован, и людьми обесчещен, высмеян и унижен, родителями же проклят. Если, чадо, тебя от такого зла господь сохранит, закон соблюдешь по заповеди господней, и от хмельного питья воздержись, и добродетельно проживешь, как все богобоязненные люди, тогда ты помилован будешь богом и почтен людьми. И наполнит господь дом твой всякою благодатью. И еще напомнить: гостей приезжих у себя корми, а с соседями и со знакомыми пребывай в дружбе и в хлебе, и в соли, и в доброй сделке, и во всяком займе. А поедешь куда в гости — подарки недорого вези за дружбу; а в пути от стола своего есть давай домашним твоим и приходящим, и их с собой сажай за стол, и питье им также подавай. А маломощным милостыню подавай. И если так поступаешь, то везде тебя ждут и встречают, а в путь провожают — от всякого лиха берегут: на стоянке не обкрадут, а на дороге не убьют, потому что и кормят доброго ради добра, а лихого от лиха, но если и это на добро во всем обратится, в том убытка нет добрым людям. Хлеб-соль — взаимное дело, да и подарки также, а дружба навек, да и слава добрая. А ни в пути, ни в пиру, ни в торговле сам никогда браниться не начинай, и кто излает — стерпи бога ради, но уклонись от брани: добродетель побеждает злонравие, злобу преодолевает, ибо господь гордым противится, смиренных любит, а покорному дает благодать. Если же людям твоим случится с кем переругаться, так ты своих побрани, а крутое дело — так ты и ударь, хотя бы прав был твой: тем брань успокойшь, да к тому же убытка и вражды не будет. Да еще вот недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба. Вспоминай, сынок, великое милосердие божие к нам и заступничество с юности и до сего времени. На поруки не брал никого, но и меня не брал никто, ни в каких делах и на суде не бывал ни с кем, ни

в истцах, ни в ответчиках. А видел ты сам, в ремеслах во многих разных дел мастеров много бывало всяких: иконники, переписчики книг, серебряные мастера, кузнецы, и плотники, и каменщики разные, и кирпичники, и строители крепостей, и всякие мастера; деньги даны им на ремесло наперед по рублю, и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и больше; хотя многие были мошенниками и бражниками, но со всеми теми мастерами за сорок лет, дал бог, обошлись без клеветы, и без судебного пристава, и без всякой кручины, все, что было, улажено хлебом, да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью, да терпением своим. Если же сам у кого что купливал, так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, да еще и хлеб-соль сверх того, так что и дружба навек, и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не даст, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно, а не в обман; кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам. Ни в купле, ни в продаже ни с кем ни тяжба, ни брань не бывала, так что добрые люди во всем мне верили, и здешние, и иноземцы — никому и ни в чем не солгано, не обмануто, не просрочено; ни в ремесле, ни в торговле, ни кабалы, ни записи на себя ни на чем я не давал, и лжи ни в чем не бывало. Видел и сам ты, какие большие ссоры со многими были людьми, да все, дал бог, без вражды кончалось. А ведаешь и сам, что не богатством жили мы с добрыми людьми, — правдой, да лаской, да любовью, а не гордостью, и без всякой лжи. Чадо мое любимое, Анфим, а в том, что тебя наставлял я и всяким путем поучал добродетельному и богополезному житию и что неумелое это писание худого моего поучения тебе передал, так молю тебя, чадо, господа ради и пречистой богородицы и великих чудотворцев, прочти ты его с любовью и со вниманием и запиши его в сердце своем и, прося у бога милости, и помощи, и разума, и крепости, и всего, уже именованного, по этому же написанию с любовью и делом, так и жену поучай и наставляй и детей своих и домочадцев всех учи страху божию и добродетельному житию. А если и сам так поступаешь, и научишь жену и детей, и рабов и рабынь, и всех ближних своих и знакомых, и дом свой хорошо устроишь, благодать у бога найдешь и вечную жизнь получишь со всеми, кто тебя окружает. Но если, сынок, моего моления и наставления не примешь, по этому написанию жить не станешь, подобно другим добрым людям и богобоязненным мужам, и заповеди отца духовного не станешь соблюдать, и не воспользуешься поучением

одухотворенных богом мужей и чтением святого Писания, и христианскому праведному закону не последуешь, и о домочадцах своих не порадеешь, то я твоему греху не причастен, сам о себе, и о домочадцах своих, и о жене дашь ответ в день Страшного суда. Если, чадо мое возлюбленного соблюдаешь и делом их оправдаешь, то будешь сын света и наследник небесного царства, и снизойдет на тебя милость божия и пречистой богородицы и заступницы нашей, и великих чудотворцев Николая, Петра, Алексия и Сергия, и Никона, и Кирилла, и Варлаама, и Александра, и всех святых, и молитва родителей, и мое вечное тебе благословение отныне и во веки веков, и благословляю тебя, чадо мое, и прощаю в сем веке и в будущем, пусть будет на тебя милость божия, и на жене твоей и на детях твоих, и на всех твоих людях отныне и во веки веков.

Чадо мое единственное и любимое, Анфим, соизволил бог — и благочестивый православный царь-государь велел послужить тебе в своей царской казне у таможенных дел, и теперь говорю тебе, чадо, и со слезами молю: «Господа ради помни царское наставление, прося у бога помощи и смысла от всей души и от всего помышления, служи верою и правдою без всякой хитрости и без всякого лукавства в любом государственном деле; с другом не дружи, недругу не мсти, и волокита бы людям ни в чем не была, всякого обслужи с любовью и без брани; а не удастся дело, так ты добрым словом ответствуй, а срок пропустив, без провоочки отправь; а в торговле поступай обходительно, душевредной служба твоя не была бы государю ни в чем, сам же сыт будь благословенным царским жалованьем, и все хозяйское у тебя было б всегда на счету * и на заметке, в записи и приход и расход, казначеям будь послушен, а с товарищами согласен, с подьячими, и мастерами и сторожами будь строг, и дружелюбен, и с любым человеком приветлив, а бедных, и печальных, и нуждающихся, и пленных всегда без волокиты разбери, и от себя по возможности накорми и напои, и милостыню дай, по человеку смотря; а случится суд, всякому человеку, богатому и убогому, другу и недругу, если дело его истинно и праведно, без волокиты и без всякой хитрости его заверши, по словам Евангелия: «Не по лицам судите сынов человеческих, но праведный суд судите, каким судите судом, таким и судится вам, и какою мерою мерится, такой и воздастся».

Слава свершителю богу ныне и во веки веков, аминь.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

ВСТУПЛЕНИЕ

Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хошу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми дела просвещен, на судище десная ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита «О божественных именов», что есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истинна, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огонь, дух, бог и прочая по тому разумевай.

Того же Дионисия о истинне: «себе бо отвержение — истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение — сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти — несть».

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо божие испадением от истинного господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглись. Бог же от существа своего испасти не может, и еже не быти — несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекасти, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: и в духа святаго, господа истин-

наго и животворящаго, света нашего, веруем, со отцем и с сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнею. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: «сей убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумев Христа и тем бого-разумие стяжав, исступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же вестъ трезвящися и изменена всякого прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истинны ради, но и неведением скончевающесе всегда, разумом же живуще, и христиане суть свидетельствуемы». Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не приити в веру Христову, хитрость имый ищитати беги небесны; егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба? аз проидох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающии, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти, воеже веровати им лжи, до суд примут не веровавши истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, 275.

Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в Солнечном граде, и виде: солнце во тьму преложилося и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом. Он же ко ученику глагола: «или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечном знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает, от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей Росии бысть затмение: солнце затмилось в 162 году, пред мором за месяц или меньше. Плыл Волгою-рекою архиепископ Симеон Сибирской, и в полудне тьма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна

подтекала, по Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излиал фиал гнева ярости своєю на Рускую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестый, тьма бысть; солнце померче, луна подтекла от запада же, гнев божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знаменнии солнца, како бысть при Исусе Наввине во Израили. Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полднях, ста Исус крестообразно, сиречь распростре руке свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во второй-на-десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь.

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует возвещая, како хвалу приносят богу, разделяясь девять чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места господня! И через их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По Алфавиту, «аль» — отцу, «иль» — сыну, «уйя» — духу святому. Григорий Ниский толкует: аллилуйя — хвала богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя — ангельская речь, человечески рещи — слава тебе боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю — человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди; мерско богу четверичное воспевание сицево: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица: силы, архан-

гели, ангели; чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: «свят, свят, свят, господь Саваоф, исполни небо и земля славы его!» Зри: тричислено и сие воспевание. Пространно пречистая богородица протоковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию. Велика во «аллилуйи» хвала богу, а от зломудрствующих досада велика, — по-римски святую троицу в четверицу глаголют, духу и от сына исхождение являют; это и проклято се мудрование богом и святыми. Правоверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Афанасий Великий рече: «иже хошет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдают, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единого бога в троице и троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отец, ин — сыновень, ин — святаго духа; но отчее, и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприсносушно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святой; бог отец, бог сын, бог и дух святой — ни три бози, но един бог; не три несозданныи, но един несозданный, един вечный. Подобне: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святой. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святой. Обаче не три вседержители, но един вседержитель; не три непостижимии, но един непостижимый, един пресушный. И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносушны суть себе и равны». Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство. (Нужно бо есть побеседовати о вочеловечении бога-слова к вашему спасению). За благодсть щедрот излия себе от отеческих недр сын-слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесен, и седи одесную величества на высоких и хошет паки приити судити и воздати комуждо по делу его, его же царствию несть конца. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отець). Рече отець сынови: «сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвеща другий: «сотворим, отче, и преступит бо». И паки рече: «о едиnorodный мой!

о свете мой! о сыне и слове! о сияние славы моя! аще промышляеши созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити». И отвеща другий: «буди, отче, воля твоя!» И посем созданя Адам. Аще хошеши пространно разумети, чти Маргарит, Слово о вочеловечении; тамо обряжеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк веруяй в онь не постыдится, а не веруяй — осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию.

Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помащницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходити во церковь, — имя ей Анастасия *. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божиин тако. Посем мати моя отъиде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране Сибирской проповедеуя и уча слову божию, — годов будет тому с полтретьяцеть».

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и ма-лакии всякой повинна; нача мне, плакавшесе, подробну воз-вещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаян-ный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дон-деже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся при-лежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаваше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловот стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шести златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабль?» И оне отвещали: «Лукин и Лав-рентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставли на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно и пепелесо, — его же ум человекъ не вмести красоты его и доброты; юноша светел на корме, сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хошет. И я вскричал: «чей корабль?» И си-дяй на нем отвещал: «твой корабль! на, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах с се-дше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болез-ни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и боль-ши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрасяся, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел, — прибежав ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, благодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, за-

пал из пистолы, и божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и божия воля учинила так же, — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле. Егда ж аз приобрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я приращился — ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, и дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их *, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ *. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была. Так-то бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя рассвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запершись, молился с воплем ко владыке: «господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «дайте мне батька Аввакума! за него бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил бога сице: «ты, господи, изведый мя из чрева матери моея, и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским; аще зарежут

и ты причти мя с Захариею пророком; а буде в воду посадят. и ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!» и моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопровит тово: «чюдно! давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; скоро повинился муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопровитово: «хощеши ли впредь цел быти?» Он же лежа, отвеща: «ей, честный отче!» И я рек: «востани! бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я подня и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой: и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то господь гордым противится, смиренным же даст благодать.

Помале паки инни изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, — только осьмь недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня из приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батошьем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал, — ано и тут протопопа ж Даниила изнали. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? А жена, и дети, и домочадцы, человек с дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита. А прежде его приезде Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу с братьею, — и я с ними тут же, — о патриархе, до же даст бог пастыря ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, падали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь его и послушал, и пишет к нему послание навстречу: «преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому и всеа Руси радоватися», и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да «здорово!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую пускать. А се и яд отрыгнул; в пост великой прислал память к Казанской к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место; до бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел на роду книги. Много людей приходило.

В памяти Никон пишет: «Где и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колени, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хошет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам один скрылся в Чюдов, — седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгородских пределах; потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вея где, скрыл их; мнит ми ся, Никону отдал.

После тово вскоре схватав Никон Данила в монастыре за Тверскими вороты, при царе остриг голову и, содрав однарятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослав в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрьме и уморили. После Данилова стрижения взяли другава, темниковскаго Данила ж протопопу, и посадили в монастыре у Спаса на Новом. Таже

протопопа Неронова Иванна — в церкви скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменный монастырь, потом в Кольской острог. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной, — принял три перста, да так и умер. Ох, горе! всяк мняйся стоя, до блюдетса, да ся не падет. Люто время, по реченному господем, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таж меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж россветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приаачен, — сиречь есть захотел, — и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немношко и штец дал похлебать, — зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне: «что патриарху не покорисься?» А я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромского: в соборной церкви, при царе, остриг в обедню. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чудовской Ферапонт вне алтаря, при дверех царских стоял. Увы, рассечения тела Христова, пущи жидовскаго действа! Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в алтарь в глаза Никону

плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чудно! — растопорся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздух. А в то время и царяца в церкви была. На Логина возложили чепь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту ночь дал шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали, и он, рассмеявся, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стяжався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкви стричь, и держали в обедню на порог долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро.

ССЫЛКА В СИБИРЬ

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нүжды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, — больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысячи верст недель с тринацеть волокли телегами и водою и саньми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых* сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без него, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, — а я вечерню пою, — и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, — один он, Струна, в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочии, человек с

двaтцeть, вси побeгoшa, гoними дyxoм свaтым. И пoкaяниe oт Струны пpиняв, пaки oтпyстил eвo к сeбe. Сpoдники жe Струнины, пoпы и чepнцы, вeсь вoзмyтили гpaд, дa кaкo мeня пoгyбят. И в пoлyнoщи пpивeзли сани кo двoрy мoeмy, лoмилнсь в ызбy, хoтя мeня взять и в вoдy свeсти. И бoжним стpaхoм oтгнaни бышa и пoбeгoшa вcпaть. Мyчилн я с мeсяц, oт них-бeгaючи втaй; инoe в цepквe нaчoю, инoe к вoeвoдe yйдy; a инoe в тюрьмy пpocилcя,— инo нe пyстят. Пpoвoжaл мeня мнoгo Мaтфeй Лoмкoв, ижe и Митpoфaн имeнyем в чepнцax,— oпoслe нa Мoсквe y Пaвлa митpoпoлитa ризничим был, в coбopнoй цepквe с дьякoнoм Aфoнaсьeм мeня стpиг. Тoгдa дoбр был, a нынe дьявoл eвo пoглoтил. Пoтoм пpиeхaл aрхиeпискoп с Мoсквы и пpaвильнoю винoю eвo, Струнy, нa чeпь пoсaдил зa снe: нeкий чeлoвeк с дoчepьo кpoвoсмeшeниe coтвopил, a oн, Струнa, пoлтинy взяв и нe нaкaзaв, мyжикa oтпyстил. И влaдыкa eвo cкoвaть пpикaзaл и мoe дeлo тyт жe пoмянyл. Oн жe, Струнa, yшeл к вoeвoдaм в пpикaз и cкaзaл «слoвo и дeлo гoсyдaрeвo» нa мeня. Вoeвoды oтдaли eвo сынy бoяpскoмy лyтчeмy, Пeтpy Бeкeтoвy, зa пpистaв. Увы, пoгибeль нa двoр Пeтpy пpишлa. Eщe жe и дyшe мoeй гoрe тyт eсть. Пoдyмaв aрхиeпискoп co мнoю, пo пpaвилaм зa винy кpoвoсмeшeния стaл Струнy пpoклинaть в нeдeлy пpaвoслaвия в цepквe бoльшoй. Тoй жe Бeкeтoв Пeтp, пpишeд в цepкoвь, бpaня aрхиeпискoпa и мeня, и в тoй чaс из цepквe пoшeд, взбeсилcя, кo двoрy свoeмy идyчи, и yмpe гoрькoю смepтью злe. И мы co влaдыкoю пpикaзaли тeлo eвo сpeди yлицы coбaкaм бpocить, дa ж гpaждaня oплaчyт coгрeшeниe eвo. A сaми тpи дни пpилeжнe стyжaли бoжeствy, дa жe в дeнь вeкa oтпyститcя eмy. Жaлeя Струны, тaкoвy сeбe пaгyбy пpиял. И пo тpeх днeх влaдыкa и мы сaми чeстнe тeлo eгo пoгpeбли. Пoлнo тoвo плaчeвнoвa дeлa гoвopить.

Пoсeм yкaз пpишeл: вeлeнo мeня из Тoбoльскa нa Лeнy вeсти зa снe, чтo бpaню oт писaния и yкoряю eрeшь Никoнoвy. В тa жe вpeмeнa пpишлa кo мнe с Мoсквы гpaмoткa. Двa бpaтa жили y цapицы в Вepхy, a oбa yмepли в мop и с жeнaми и с дeтьми: и мнoгия дpyзья и cpoдники пoмepли. Излилa бoг нa цapствo фиaл гнeвa свoeгo! Дa нe yзнaлись гoрyны oднaкo,— цepкoвьo мятyт. Гoвopил тoгдa и cкaзывaл Нepoнoв цapю тpи пaгyбы зa цepкoвнoй pаскoл: мop, мeч, рaздeлeниe; тo и сбылoсь вo дни нaшa нынe. Ho милoстив гoспoдь: нaкaзaв, пoкaяния рaди и пoмилyет нaс, пpoгнaв бoлeзнь дyш нaших и тeлeс, и тишинy пoдaст. Упoвaю и нaдeюсь нa Хpистa: oжидaю милoсepдия eгo и чaю вoскpесeния мepтвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох,— поехал на Лену. А как прехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысяч и больши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк,— людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в Большой Тунгуске-реке, в воду загрузило бурей дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало,— одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: «господи, спаси! господи, помози!» И божию волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправся на берегу, и опять пехали впрעדь.

Егда приехали на Шаманской порог, навстречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и больши, пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в бездны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь», — и прочия: там многожько писано: и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их:

и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или распоп?»; и аз отвечал, «аз есмь Аввакум протопоп; говори, что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щеке, таже по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног, и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Иисусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам. Опустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бытто доброй человек — другой фарисей с говенною рожею, — со владыкою судита захотел! Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и писанием от-всюду подкрепляем, яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное, а не такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою, и господь-свет милостив: не поминает наших беззаконных первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуно, — река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога ташили. Грустко гораздо, на душе добро, не пеняю уж на бога вдругорят. На ум при-

шли речи, пророком и апостолом реченные: «сыне, не пренемай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; бьет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретаетеся вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила, — велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с двадцеть была сослана от меня. Баба ея Ксения мучила зиму ту всю, — лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибrel ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, — и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою, — людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: «владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос с пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделуцы тое много еще было в чемоданах да в суммах; все с тех мест и перегнило — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки

свету-богородице докучать: «владычице, уйми дурака тово!» Так она, надежда, уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня-озера: волок тут, — стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок. Весною на плотках по Ингоде-реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванью моему. Лес гнали хоромной и городовой. Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работных водяных бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился! У протопопцы моей однарятка московская была, не сгнила, — по-русскому рублев в полтретьяцеть и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче-реке живучи, с травую перебиваючися. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускар промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающесе и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающесе по горам и по острому камению, наги и боси, травую и корением перебивающесе, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечим звериным и птичьим мясом. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сладьми? Но помогла нам по Христе боляроя, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеонова: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, — иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у кúров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горе-

мыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — иногда робенка погонят от окна без ведома боярина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов,— девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваясь кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? пускай, горькие, мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено, ино мучица веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, любн же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «Не начный блажен, но скончавый». Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы,— сенныя ево любимые были,— Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, яко ничто же успевает, но паче молва бывает,— zelo жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог». И я ему отвещал: «господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть богу». Взял их, бедных. Простите! Во искусе то на Руси бывало,— человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и за молитв святых отец, отходяду от них беси, действием и повелением бога живаго и господа нашего Исуса Христа, сына божия-света. Слезами и водою кроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему,— ни никак же,— но по вере приходящих. Древле благодать действоваше ослом при Валааме, и при Улияне мученике — рысью, и при Сисинии — оленем: говорили человеческим гласом. Бог идеже хочет, побеждается естества чин. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящещи: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не всех дух святой рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует.

Таже привели ко мне баб бешаных; я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал; и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся богу; люют меня и домой не идут. Сведал он, что мне училилися дочери духовные, осердился на меня опять пуши старова,— хотел меня в огне жжечь: «ты-де выве-

дываешь мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею. В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так, — не брегут о исповеди; а нам, православие блюдушим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое виде, и тогда с правильдом причащайся святых тайн. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, вздохни пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле пред образом Христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и в сосудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилком вся покади, поплавав, глаголи: «верую, господи, и исповедаю яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спаси, от них же первый есмь аз. Верую, яко воистину се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститься пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, встав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после того, ино хорош. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пуши и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним чернова попа, и оне ево дровами бросают,— и поволокся прочь. Я дома плачу, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало. Прибрели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя

Христово маслом, так опять, дал бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибегали тайно молитца богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правльца держатца. На Москве с бояроною в Вознесенском монастыре вселились. Слава о них богу!

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопица брели пеши, убивающесея о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришол, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохня, отвещала: «добро; Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиним повелением нужде нашей помогаая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней — плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла, тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и доставалася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры божиним мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козьма и Дамиян человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклися паки на Иргень-озеро. Бояроня по-

жаловала, — прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон — там родился, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение, и я, крестом благослова и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердился ж на нея, и меж нами пря велика стала быть. Младенец пуши занемог; рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а бог пуши угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачут: а я говорю: «коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил дьявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый бог, умяхчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне, — со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяясь около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, и протопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощения просить у Орефы-колдуна». Потом и больнова принесли, велела перед меня положить; и все плачут и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель и масло священное нашол. Помоля бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал бог, и опять здоров стал, — с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? — не сегодня кающихся есть бог! На утро прислала нам рыбы да пирогов, а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирились. Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве; я и погребал в Вознесенском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца, — она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенько мне, а сам говорит: «спаси бог! отечески творишь, — не помнишь нашева зла». И в то время пищи довольно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать; слушай, за что. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство воевать, — казаков с ним 72 человека да иноземцев 20 человек, — и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Волхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова

в вечер и учал над ним волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «удастся ли поход?» И беси сказали: «с победою великою и с богатством большим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуясь говорят: «богаты приедем!» Ох, душе моей тогда горько и ныне несладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «господи, хощеш ли, рече, да огонь снидет с небесе и погубит их, яко же и Илия сотвори». Обращь же ся Иисус и рече им: «не веста, коего духа есте вы; сын бо человеческого не прииде душ человеческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь». А я, окаянной, сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «послушай мене, боже! послушай мене, царю небесный, свет послушай меня! да не возвратится вспять ни один от них, и гроб им там устроиши всем! приложи им зла, господи, приложи, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же бога молиа. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишь излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне; а я им говорю: «погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолился за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, как со шпагою погнался за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник,— снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести,— взяла силу вода, паче же рещи — бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а нево не идет. Чудо, как то бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «батюшко, за грех наказует бог! напрасно ты протопота тово кнутом тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя,

«господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пицаль, — никогда не жмет, — приложася на сына, курок спустил, и божиею волею осеклася пицаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклася пицаль. Он же и в третьи так же сотворил; пицаль и в третьей осекался же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил — так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся; задумався и плакать стал, а сам говорит: «согрешил окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопоба бил; за то меня наказует бог!» «Чюдно, чюдно! по писанию: яко косен бог во гнев, а скор на послушание, — дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: «прости, барте, Еремей, правду ты говоришь!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «бог тебя, государя, простит! я пред богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его.

Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника, — тут был, — Григорей Тельной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремей мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их в войны, — не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огонь росклат — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье, — после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, жене плачущей и детям говорю: «воля господня да будет! Аще живем, господевы живем; аще умираем, господевы умираем». А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело господне и неизреченны судьбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моего едет, и палачей вскликал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с укручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгалских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седьм дней, — одну съел белку, — и как моим образом человек ему во сне явился

и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать; он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел. Егда он отцу рассказывает, а я пришел в то время поклониться им. Пашков же, возвед очи свои на меня,— слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь же выдаст! — вздохня, говорит: «так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!» А Еремей мне говорит: «батюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошел. Десять лет он меня мучил или я ево — не знаю; бог розберет в день века.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУСЬ

Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я — едучи, от иноземцов дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и больных, и раненых, кои там негодны, человек с десятков, да я с женою и с детьми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же бог наставит, ничево не бояся. Книгу Кормчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, который там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моя голова искал; в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу, — пускай ево, беднова! — либо покаются о гресех своих. Да и другога такова же увез замотая. Сего не хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су,— простите! — своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей; спрятал ево, положи на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены-моей с места не тронули,— лишю говорят: «матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» А я,— простите бога ради,— лгал в те поры и сказывал: «нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение?

При Рааве блуднице, она, кажется, так же сделала, да писание ея похваляет за то. И вы, бога ради, порассудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем; и подружью твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.

Добро, старец, спаси бог на милостыни! Полно тово. Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мяско иссуша; и тем лето питался, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была, — после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом — с прикащиком, да дочь моя большая — кума, а я у них поп. Тем же образцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилах, — велено так делать. А что запрещение то отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою, — дурно молоть! — гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп, — я по их книгам верую богу моему чистою совестию и служу; а отступников отрицаюся и клену, — враги оне божии, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладывают, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою воровскою никониянскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданныя, — так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и пречистой богородице, а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хотите. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подбиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столько же бог пособил помучитца от вас; ино бы и было с меня, и господе бозе и спасе нашем Иисусе Христе! А затем сколько Христос даст, только и жить. Полно тово, — и так далеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали из Даур, стало пищи скудать и с братиею бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зверя, —

тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачут, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «вот, батюшко, на твою часть бог в запоре нам дал, — возьми себе всю!» Я, поклонясь им и рыба благословя, опять им велел взять: «на што мне столько?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода окунула на море, и мы гребми перегреблись: не больно о том месте широко, — или со сто, или с осьмьдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — дватцеть тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, — больши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопля богорасленные, а во дворах травы красныя — и цветны и благовоны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во океане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово, света, наделано для человеков, чтоб, упокоясь, хвалу богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, переходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хощет, яко змия; ржет, зря на чужую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся довольно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму, — день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевае, но паче молва бывает. Опечался, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать?» — связали

вы меня!» Она же мне говорит: «господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я,— ты же читал,— апостольскую речь: «привязался еси жене, не ищи разрешения; гда отрешитишия, тогда не ищи жены». Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христом и нас не покунуть! Поди, поди в церковь, Петрович,— обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом и, отряше от себя печальную слепоту, начах по-прежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал и паки, лето пльвшe, и Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедаю слово божие, и уча, и обличая безбожную лeсть. Также приехал к Москве. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземских руках. На Оби, великой реке, предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше-реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лeсть совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали,— медведен я у них накупил,— да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье,— Иван Богданович Камынин, друг мой, дивится же мне: «как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес, и пречистая богородица провела; я не боюсь никою; одново боюсь Христа».

МОСКОВСКОЕ БЫТИЕ

Тажe к Москве приехал, и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря,— все мне ради. К Федору Ртищеву зашел: он сам из полатки выскочил ко мне, благословился от

меня, и учили говорить много-много,— три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «жив господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря после ево челом да челом: «протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено («блюдиися, от меня да не полма растесан будеши»). Я вскочил и пад пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «господи, не стану ходить, где по-новому поют, боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины именины,— шаловал с ними в церкви той при воеводах; да с приезде смотрил у них просвиромисания дважды или трожды, в олtare у жертвеника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал,— что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет попужал и рече им: «по толиком страдании погибнуть хочешь? блюдиися, да не полма рассеку тя!» Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел и вся подробну им возвестил. Боярин, миленькой, князь Иван Андреевич Хилков, плакать стал. И мне, окаянному, много столько божия благодеяния забыть?

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты намерзают,— блиско человека толщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с осьмь; стал, на небо взирая, говорить: «господи, источивый из камени в пустыни людям воду,

жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси! напой меня, ими же веси судьбами, владыко, боже мой!» Ох, горе! не знаю, как молить; простите, господа ради! Кто есмь аз? умерый пес! — Затрещал лед предо мною и расступился, чрез все озеро сюду и сюду и паки снидесе: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу и радуюся, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулася и я, востав, поклоняся господеву, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям. Да и в прочие времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы — што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любят, а идучи мне нельзя было исполнить, и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складенки поставя, правильца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немношко, а таки поворчю. Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — бога не моля, жити.

Бывало, отче, в Даурской земле, — аще не поскучите послушать с рабом тем Христовым, аз, грешный, и то возвещу вам, — от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, только павечернишныя псалмы, да полунощницу, да час первой, а больша тово ничево не стало; так, что скотинка, волочьсь; а правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачют. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; связавшуся языку ево, ничево не промолыт, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «о имени господни повелеваю ти: говори со мною!

о чем плачешь?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «не знаю, кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-то меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала, а мне он говорит: «скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он и сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем,— все так и сбылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и заутрени пел, так бог ведро даст, и хлеб родится, а то были дожди беспрестанно; ячменцу было сеено небольшое место — за день или за два до Петрова дни,— тотчас вырос, да и сгнил было от дождей. Я ему про вечерни и заутрени сказал, и он стал так делать; бог ведро дал, и хлеб тотчас поспел. Чудо-таки! Сеен поздно, а поспел рано. Да и паки, бедной, коварничать стал о божи-ем деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излился, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся. Виджь: как поруга дело божие и пошел странною, так и бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схватался, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия помнить и не забывать, всякое божие дело не класть в небрежение и просто и не мелять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяю с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал. И я потешил ево: царь-то есть от бога учинен, а се добренек до меня,— чаял, либо помаленьку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править, и я рад сильно, мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублей денег, царица десеть рублей же денег, Лукьян духовник десеть рублей же, Родион Стрешнев десеть рублей же, а дружище наше старое Федор Ртищев, тот и шесть-десят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мой, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милослав-

ские покойницы всегда же в дому был. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успевае, но паче молва бывает,— паки заворчал, написал царю многононько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую — святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика. И егда письмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым, что после отступники удавили его, Феодора, на Мезени, повеса на виселицу. Он же с письмом приступил к царево корете со дерзновением, и царь велел ево посадить и с письмом под Красное крыльцо,— не ведал, что мое; а опосле, взявше у него письмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришел, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел архимарит и железа на него наложил, и божиею волею железа рассыпался на ногах пред людьми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулись и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришел в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех пор царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить: любо им, как молчу, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелестной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «власти-де на тебя жалуются, церковь-де ты запустил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево во имя Христово люди добрые много, да все и осталось тут; токмо с женою и детьми и с домо-чадцы повезли. А я по городам паки людей божих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтара года держав, паки одново к Москве взяли, да два сына со мною,— Иван да Прокопей,— съехали же, а протопица и прочии на Мезени остались все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутаев монастырь. И туды присылка была,— тож да тож говорить: «долго

ли тебе мучить нас? соединишь с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску им тут с бранью с большою написал и послал с дьяконом ярославским, с Козьмою, и с подьячим двора патриарша. Козьма та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «протопоп! не отступай ты старова тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!» и я ему говорил сопровтив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево, горюна; больши тово нечева мне делать с ним; ведает то бог, что будет ему.

Таже, держав десять недель в Пафнутьеве на чеши, взяли меня паки в Москву и в Крестовой, стязався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора, потом и проклинали; а я их проклинал сопровтив; зело было мятежно в обедню ту тут!

И, подержав на патриархове дворе, повезац нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги божии отрезали у меня. Чему быть? волки то есть, не жалеют овцы! оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять! Не им было, а быть же было иным; писанное время пришло по Евангелию: «нужда соблазнам приити». А другой глаголет евангелист: «невозможно соблазнам не приитти, но горе тому, им же приходит соблазн». Виждь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускает бог, да же избрани будут, да же разжегуться, да же убелятся, да же искуснии явленни будут в вас. Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель. Тут мне божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши. И царь приходил в монастырь; около темницы моя походил и, постовав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение в Верху у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок и от казни отпросила меня. О том много говорить. Бог их про-

стит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Дявол между нами рассечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротыннской, бедной, князь Иван, тут же без царя молитца приезжал; а ко мне просился в темницу; ино не пустили горюна; я лишю, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! боится бога, сиротинка Христова; не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояря те до нас добры, один дявол лих. Что-петь сделаешь, коли Христос попустил! Князь Ивана миленькова Хованскова и батожьем били, как Исаию сожгли. А боярню ту * Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленьких! Мучася, небеснаго жениха достигнут. Всяко то бог их перепроводит век сей суетный, и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше! Паки на первое возвратимся.

Посем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полату, скована держали год без мала. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был. А се бедной большо тово же табаку испил, что у газкаго митрополита выняли напоследок 60 пудов, да домру, да инрые тайные монастырские вещи, что поигравше творят. Согрешил, простите; не мое то дело: то ведает он; своему владыке стоит или падает. К слову мольлось. То у них были любимые законоучители. У сего келаря Никодима попросился я на велик день для праздника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелся: масло соборовали и причащали, и тогда-сега дѡхнет. То было в понедельник светлой. И в нощи против вторника приде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу,— идучи говорит: «блаженна обитель,— таковыя имеет темницы! блаженна темница — таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: «прости, господа ради, прости, согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя,— и за сие наказал мя бог». И я говорю: «как наказал? повеждь ми». И он паки: «а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял,— что-де запираешься!» А келейник тут же стоя,

говорит: «я, батюшко-государь, тебя под руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюда». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе: «или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отъиде к себе и на утро за трапезою всей братье сказал. Люди же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и пользаю словом Божиим; в те времена и врази кои были, и те примирились тут. Увы! коли оставлю суетный сей век? Писано: «горе, ему же рекут добро вси человецы». Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил бог! То ведает он,— воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай с детьми моими Феодор покойник, удушенной мой, и спрашивался со мною: «как-де прикажешь мне ходить — в рубашке ли по-старому или в платье облещись? — еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня,— реткой день, коли плетьми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача, говорю: «господи! еще не избавишь мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворишь?» — И много плачючи говорил. — «А седе вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилась сама. Я-де богу поклоняся, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москве напрямик! Егда-де россветало,— ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали — не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале-де оне едут навстречю ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын,— где-де ево возьмешь! Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел: туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» — И я ему, грешной, велел вздеть платье. А однако не ухоронил от еретических рук — удавили на Мезени, повеся на виселицу. Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Детушки миленькие мои, пострадали за Христа! Слава богу о них!

Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а ношь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видел подвижника такова! Пожил у меня с полгода на Москве,— а мне еще не моглося,— в задней комнат-

ке двое нас с ним, и, много час-другой, полежит да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься, — веть ты поп! как сорома нет?» И мне неможется, так меня подымает, говоря: «встань, миленькой батюшко, — ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен, миленькой, был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин. Неможет, а кишки перемеряет. И смех с ним и горе! На Устюге пять лет беспрестанно мерз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я из Сибири ехал. У церкви в полатке, — прибегал молитвы ради, — сказывал: «как-де от мороза тово в тепле том станешь, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает», — по кирпичью тому ногами теми стучает, что коченьем, а на утро и опять не болят. Псалтырь у него тогда была новых печатей в келье, — маленько еще знал о новизнах; и я ему рассказал подробну про новыя книги; он же, схватав книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча была вера! Да что много говорить? — как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончался боголепне. Хорош был и Афонасьюшко миленькой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и яко хлеб сладок принесся святей троице. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; только сей Феодора посмирнее и подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, — и у него слова тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле божи болезнен; всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Иусе, господе нашем.

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели, — от писания с патриархами говорил много; бог отверз грешные мое уста, и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «что-де ты упряма? вся-де наша палестина, — и сэрби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи, — все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве

и креститься пятью персты! — ток-де не подобает!» И я им о Христе отвечаю: «вселеннии учителя! Рим давно упал, и лежит несклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша христианом. А и у вас православие пестро стало от насилиа турскаго Магмета, — да и дивить на вас нельзя; немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учителя: у нас, божиею благодатию, самодержавство. До Никона-отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна. Никон-волк со дьяволом предали трема персты креститца; а первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко ж прежнии святии отцы Мелетий и прочии научиша. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чудотворцы, Филипп, соловецкий игумен, от святых русских». И патриарси задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завывали и блевать стали на отцев своих, говоря: «глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не учоные-де люди были, — чему им верить? Они-де грамоте не умели!» О, боже святой! како претерпе святых своих толикаа досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колько мог, и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: «лучше един творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных!» Так на меня и пуши закричали: «возьми, возьми его! — всех нас обесчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было, — велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уаров да потащил. И я закричал: «постой, — не бейте!» Так оне все отскочили. И я толмачю-архимариту говорить стал: «говори патриархам: апостол Павел пишет: «таков нам подобаше архиерей — преподобен, незлобив, и прочая; а вы убивше человека, как литоргисать станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю им. Так оне смеются: «дурак-де протопоп-от! и патриархов не почитает!» И я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильни, мы же немощни!» Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал —

посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чудовской келарь, моыл: «прав-де ты,— нечева-де нам больши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазоря и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы; а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрельцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется,— и смех и горе,— как-то омрачил дьявол! Так к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили.

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди многожды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоево благословения и с царицею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачу; жаль мне сильно ево. И паки он же: «пожалуй-де послушай меня: соединишь со вселенскими теми хотя небольшим чем!» И я говорю: «аще и умрети ми бог изволит, с отступниками не соединюся! Ты,— реку,— мой царь; а им до тебя какое дело? Своево,— реку,— царя потеряли, да и тебя проглотить суды приволоклися! Я,— реку,— не сведу рук с высоты небесных, дондеже бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «где-де ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем бога молю.

ПУСТОЗЕРСКАЯ ССЫЛКА

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я из Пустозерья послал к царю два послания:

первое невелико, а другое больши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от брата дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматах церковных. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в доме моем двух человек, детей моих духовных,— преждедеченного Феодора юридиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых. Лука та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь чином, юноша лет в полтретьятцеть; приехал на Мезень по смерть с детьми моими. И егда бысть в дому моем всегубительство, спросил его Пилат: «как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеца смиренномудро: «я так верую и крещуся, слагая персты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положи петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная взыде. Больши тово что ему могут сделать? Аще и млад, до по-старому сделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадался! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся и, ишед вон, плакася горько и слез ради прощен бысть. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения поущеено им изменение. Да уж добро; быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати.

Посем той же полуголова Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки: «мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем». И иное там говорено многонько, и Никону, завотчику ересям, досталось небольшое место. Посем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопровтив тово плюнул и умереть хотел, не евши, и не ел дней с осьмью и больши, да братья паки есть велели.

Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсекали, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред-народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третий день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все, — без языка, а не болит. Дал бог, во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнился два годы, иное чудо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицаая.

Посем взяли соловецкаго пустынного, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекали четыре перста. И сперва говорил гугниво. Посем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешней, на воздуже; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретется во рте. Дивна дела господня и неизреченны судьбы владычни! — и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить; Бог — старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человеку во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накость резан; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленько. У него же отсекали руку поперег ладони. И все, дал бог, стало здорово, — и говорит ясно против прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею; струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; остражие же пред дверьми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящие в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном Божиим, Песни Песням, их же Соломан воспе, зря на мать Вирсавию: «се еси добра, прекрасная моя! се еси добра, любимая моя! очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных луч, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей» (Хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвра-

тился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чудо, как то в познании не хотят приити: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Но господем реченно ко апостолом сице: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имеет и крестится — спасен будет, а иже не имеет веры — осужден будет. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на виселицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учителя явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»: от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? аще бы не были борщы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон. Нутко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесные дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умерети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неuka человек, до то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком! Не буди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить — крест на церкви и на просвирах переменить, внутрь олтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменяли, в крещении явно духу лукавому молитца велят,— я бы им и с ним в глаза наплевал,— и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви свята, против солнца же и брак венчав, против солнца ж водят,— явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — дети ево: коли отца своео отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, пра-

воверной душе! — вся горячая долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и сделал: «печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!» — так-су и сделал. Да больша тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянны, со всем лукавым замыслом своим, а стражушим от них вечная память.

Посем у всякого правовернаго прощения прошу: иное было, кажется, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, богу нашему слава. А я ничто же есмь. Рекох, и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг матырем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной. Простите же и молитесь о мне, а я о вас должен, чтущих и слушающих. Больши тово жить не умею; а что сделаю я, то людям и сказываю; пускаю богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая или злая. Но еще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектика и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: «еще и невежда словом, но не разумом».

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ «ПОВЕСТИ»

Простите, — еще вам про невежество свое побеседую. Ей, оглушал, отца своего заповедь преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; внимай бога ради, како бысть. Егда еще я потом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вонифантьевич, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина, себя пользоваться, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкву велико прилежание имел; напоследок взят был к большой царевне в Верх во псаломщики, а в мор и с женою скончался. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многожды. И виде бог неправду в нас с братом, яко неправо по истине ходим, — я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал, — изволил нас владыко сие наказать: лошедь

ту по ночам и в день стали беси мучить, — всегда мокра, засажена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день недельный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: призри на мя и помилуй мя! — и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть, — начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В дому же моем иные родные два брата — Козьма и Герасим — больши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек с трицать, держа ево, рыдают и плачут, вопиюще ко владыке: «господи помилуй, согрешили пред тобою, прогневали твою благодатьню, прости нас, грешных, помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!» А он пуши бесится, кричит и дрожит, и бьется. Аз же, помощию божию, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молиться Христу и богородице со слезами, глаголя: «владычице моя, пресвятая богородице! покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумеv, каюся пред сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать!» И, плачючи, послал во церковь по Потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лет с четырнадцать, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великого Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свечи и воду святую подносил, а прочии держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо бог призирает», — бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь в другоряд, и бес еще не слушает, пуши мучит брата. Ох, горе мне! Как молыть? — и сором, и не смею. Но по старцову Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударился о лавку, рыдав на мног час. Восставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, прижався, изыде и сел на окошко; брат же быв яко мертв. Аз же покропил ево водою святою; он же, очхняся, перстом мне на беса, сидящаго на окошке,

показует, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указывает. Аз же и там покропил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указывает. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам перекрестился. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «спаси бог тебя, батюшко, что мы тебя отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси бог, которой в церковь по книгу и по воду ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он, что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика меня водили и били, а сами говорят: «нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошадь променял книгу, а ты-де ея любишь»; так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я,— реку,— свет, брат твой Аввакум». И он мне отвечал: «какой ты мне брат? Ты мне батько; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет,— будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святых воды; он же и судно у меня отнимает и съестъ-хочет,— сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал; маленько я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки беси отъидоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится; егда куды отлучюся, и беси и наветовать ему станут. Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил,— что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской. И иным духовным я бил челом о брате, и умолили бога о нас, грешных, и свобожден от бесов бысть брат мой. Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной,— прямое говно! отвсюду воняю — душею и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в

конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмраднo вонeю. До свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землею меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так.

Да и в темницу ту ко мне бешаной зашел, Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз, и вымыл, платье переменял,— зело вшей было много. Замкнуты мы с ним двое жили, а третей с нами Христос и пречистая богородица. Он, миленькой, бывало серет и сцят под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет,— дьявол сон ему наводит, и я постегаю чотками, так и молитву творить станет и кланяется за мною, стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалует, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его, и, докамест у старца сижу, лежит, не встает, богом привязан,— лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прииду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я закричу так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест — просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет, и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем вздвигачится, а сам из него говорит: «ты же-де меня ослабил!» И я, плакався пред владыкою, опять постом стягну и окрочу ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и больши. Перед смертию образумился. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленькой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребсти у церкви; попом сорокоуст дал. Лежал у меня мертвой сутки, и я ночью, встав, помоля бога, благословя ево, мертвова, и с ним поцеловався, опять подле его спать лягу. Таварищ мой миленький был! Слава богу о сем! Ныне он, а завтра я также умру.

Да у меня ж был на Москве бешаной,— Филиппом звали,— как я из Сибири выехал. В углу в ызбе прикован к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв падает пред крестом Христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых

отец сила божия отгнала от него беса, но токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили,— Пластырь над Филиппом говорил и учил ево Иисусовой молитве. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в ночи действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева zelo печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились,— дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали; согрешил пред богом и пред ними. Таже бес вздвигал в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас, и zelo голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть по-прежнему. Ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдался. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но,— чуден господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «не боюсь я тебя!» Так мне в те поры горько стало: «Бес,— реку,— надо мною волю взял!» Полежал маленко, с совестью собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «согрешил, Настасья Марковна,— прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. Посем и с Фетиньею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было с дватцеть,— и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!» И оне нехотя бьют и плачют; а я ко всякому удару по молитве. Егда ж все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминуемую, опять вышел вон из Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорош стал. И потом исцелел божиею благодатию о Христе Иисусе, госпode нашем, ему ж слава.

А егда я был в Сибири,— туды еще ехал,— и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с женою своею, наругая праздник,— жена ево сказывала,— до и взбесился. И я, в дому своем держа месяца с два, стужал

об нем божеству, в церковь водил и маслом освятил, и помиловал бог: здрав бысть, и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь в литургию; во время переноса и досадил мне. Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пуши и первова взбесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе и, сундуки разломав, платье княгинино на себя вздел, а из розгонял. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; он же в тюрьме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, вбродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегаёт от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред владыкою плакал всегда. Посем пришла грамота с Москвы,— велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божи, понеже о всех нас печется и промышляет господь: ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я едучи, спрашивал про него, и мне сказали: «преставился-де, после тебя годы с три живучи христиански с женою и детьми». Ино и добро. Слава богу о сем!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался,— еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому вдова молодая,— давно уж, и имя ей забыл; помнится, Офимьею звали,— ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвевает вся, яко камень станет, и не дышит, кажется,— ростянет ея среди горницы, и руки и ноги,— лежит яко мертва. И я, «О всепетую» проговоря, кадилком покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит, а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука

свободна станет; я — и по другой, и другая так же освободится; я — и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды крестом гладить, — думаю, думаю, — и ноги поглажу: баба и вся свободна станет. Вставше, богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки — ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отошел прочь: исцелила, дал бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы, — странно и говорить про них; кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато, кажется, — да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде дьявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же взросла, привезена из полону из кумыков. Чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня отъйти и за первого хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде бог противление ея, послал беса на нея: в правило стоящу ей, да и взбесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многожды так бысть. Она же единиче в безумии своем и непокорстве пребывает. Благодитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи не пробудяся спала. Я лишю ея по времяному кажу, спящую: тогда-сега дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулась; села, да плачет; есть ей дают — не ест. Егда я правило канонное скончав и домочадцов, благословя, распустил, паки начав во тьме без огня поклоны класть: она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела и взяли меня и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плач, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо. Ввели-де меня в нея; ано-де стоят столы, и на них

послано бело, и блюда с брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повевае и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки из полаты повели, а сами говорят: «знаешь ли, чья полата сия?» И аз-де отвещала: «не знаю, пустите меня в нея». Она же отвещала: «отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кланятца, богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будешь с ним здесь. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси водили тебя; смотри: у нас папарты; беси-де не имеют тово». И я-де, батюшко, смотрела,— бело у шей тех их». Да и поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали из Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела постригтися, а дьявол опять сделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осьми летех услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам бог наказывал,— бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася и принесла ко мне два детища и, положи предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающися, бесстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многажды на нея кричал; она же прощается в преступлении своем, каюся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса,— учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же сжалихся об ней: покиня херувимскую петь, взявше от престола крест и на крылос взошед, закричал: «запрещаю ти именем господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала с детьми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, скорбию одержимых грыжною; и мои детки егда скорбели во младенчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою презвитерскою, помажу

вся чювства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка, и божиею благодатью грыжня болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касаться стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь нощи глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действием верхняя раскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помолясь и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя, а оне постарому висят. Потом, книгу взяв, из церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешаными и больными не творит благодатию божиею! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чудотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысяч пятьсот лет во аде был осужден. Посем разумей всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и богородице молись и всем святым, так будет хорошо.

Ну, старец, моево вяканья много веть слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, как богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег, и как келья та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христа и богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я-петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца,— скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред

всеми, елика сотвори бог знамения и чудеса во языцех с нима, в Деяниях, зач. 36 и 42 зач., и величашеся имя господа Исуса. Мнози же от веровавших прихождаху исповедующе и сказующе дела своя. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниях. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наши оне люди будут там, у Христа, а мы их во веки веков. Аминь.

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ

- Абие — тотчас, сразу.
Ава — отец (духовный).
Агарянский — турецкий, мусульманский.
Агнец — частица просвиры, в момент литургии претворяющаяся якобы в тело Иисуса Христа.
Аер — воздух, атмосфера.
Акафист — вид хвалебного церковного песнопения.
Аманат — заложник, пленник.
Амо — куда.
- Базлук — подкова с шипами, которую рыбаки подвывают к подошве для ходьбы по гладкому льду.
Бачка — бабушка, отец.
Бердыш — широкий топор с закругленным в виде месяца лезвием на длинном топорнице.
Беть — поперечное бревно, которое врубается для скрепления бортов дощеника.
Блазненно, блазновато — стыдно.
Блазнить — искушать, вводить в сомнение, соблазнять.
Блядь — ложь, лживая, дьявольская вера.
Большо — может быть, кажется.
Братися — бороться, сражаться.
Брашно — пища, еда.
Брусить — бормотать, врать.
Брыластый — толстогубый, имеющий большие, отвислые губы.
- Вервица — ременные четки.
Верста — сверстница, возраст.
Вертоград — сад.
Вершние — древесные побеги, плоды.
Веси — знаешь.
Весь — деревня.
Взнак — ничком, навзничь.
Виновный — надлежащий, обязанный.
Влагодить — падать, замирать.
Влающийся — колеблющийся, сомневающийся.
Вмале — вскоре.
Вменить — принять.
Возглавие — подушка.
Воздух — покрывало на сосудах причастием, сокроментам.
Впосолонь — по солнцу, с востока на запад.
Вседетельный — совершенный.
Втай — тайно.
- Главотяжец — головная повязка.
Гобзование — изобилие.
Гойтан — гайтан; шнурок, на котором носят тельный крест.
Голка — тятеж, шум, паника.
Гон — мера расстояния.
Гордоус, гордоусец — гордец.

Гранограф — хронограф, хроника.
Грезнь — гроздь ягод, виноградная кисть.

Дежем — движимый, поднимаемый.
Держава — поддержка.
Дивий — дикий.
Дидаскальство — наставничество.
Дряхловати — печалиться, скорбеть.

Ез — плетень поперек реки, рыболовная застава.
Еродий — цапля.

Завод — затея, дело, предприятие.
Завор — стыд, смущение, срам.
Зазреть — осудить.
Залавок — подводный обрыв, уступ в реке.
Заматоревый — постарелый, состарившийся.
Замгнуть — задремать.
Зане — так как, потому что.
Заход — отхожее место.
Зеляница — овощное блюдо, растительная пища.
Зепь — карман, пазуха, сумка.
Зодейщик, зодийщик, зодийщик — звездочет, астролог.

Изверг — отверженный.
Извет — отговорка, донос.
Изженут, ижденут — изгонят, выгонят.
Изугень — беспозвоночное морское животное.
Изуграф — иконописец.
Истинить — разрушить.

Кажение — окуривание ладаном.
Каженик — свнух, скопец; калека.
Казить — коверкать, портить, искажать.
Карбас — большая плоскодонная перевозная лодка.
Каркин — рак (животное).
Кафизма — каждый из двенадцати отделов Псалтири.
Кирелейсон — господи, помилуй (греч.).
Клеврет — приспешник, соучастник.
Клосный — увечный, хромой.
Клусить — вести себя шутлом, паясничать.
Кобь — колдовство, ересь.
Колитвенный — убойный.
Кондак — краткая церковная песнь.
Коноб — котел.
Косный — медлительный, медленный.
Костельник — приверженец костела, католической церкви.
Которати — сетовать.
Котыга — рубаха, риза.
Крагуй — ястреб.
Крестцы — перекрестки, распутья.
Крин — лилия, цветок.
Крыж — четырехугольный крест (римский).

Лагодить — потворствовать, подлаживаться.
Левит — священнослужитель у древних евреев.

Лестница — четки с кистью кожаных лепестков.
Ловыга — плут.
Логофетство — математика, ученость.
Лубье — кора, закрывающая окно в жилище.
Льяло — место на дне дощаника, где скопается и откуда вычерпывается вода.

Малакия — разврат.
Малакса — печать маслом на лоб.
Манатья, мантия — монашеская длинная одежда в виде плаща.
Медведь — залежалый товар.
Метание — земной поклон.
Мирсина — вечнозеленое кустарниковое растение, похожее на мирт.
Молоть — говорить.
Мыт — понос.

Набрушиться — наткнуться, напороться.
Навадник — клеветник, наветник.
Належать — наступать.
Напрасный — внезапный.
Невостягнувенно — безудержно.
Негли, некли — может быть, пусть.
Нежд — сукровица, гной из раны.
Неключимый — недостойный, негодный.
Неразместный — несоединимый.
Неясыть пустынная — мифическая птица.
Ничать — склоняться.

Область — власть.
Оглаголати — обвинить.
Озобать — съесть.
Онамо — там.
Онагр — дикий осел; лошадь.
Опона — покров, завеса.
Ослопье — колья, дубины, палки.
Острей — устрица, раковина.
Отгребаться — воздерживаться, остерегаться.
Отнележе — откуда, с каких пор, с тех пор.
Оток — край, мыс, остров.
Отпуст — молитва по окончании богослужения.
Отрадить — утешить.
Отщетиться — претерпеть, повредиться.
Ошиб — хвост.

Палестина — христианская церковь.
Папарты — крылья.
Патрахель, петрахиль — эпитрахиль, часть облачения священника в виде длинной полосы ткани, надеваемой на шею и свешивающейся спереди.
Перенос — большой выход во время литургии, перенесение причастия (хлеба и вина) с жертвенника на престол.
Петь — частица с разным значением, чаще — вот, лишь.
Плесна — стопа, ступня.
Плижуше — ползающие, пресмыкающиеся.
Плишь — шум, смятение.
Плюскать — болтать, суесловить.

Повалуша — летняя спальная комната, пристроенная к избе сверху, через сени, а также под избой.
Повапленный — разукрашенный.
Под спудом — в заточении, в темнице.
Позорище — зрелище, представление.
Полма — пополам, на две части.
Польский — земной, бренный.
Порода — рай.
Потонку — подробно, детально.
Правило — богослужение, молитва.
Предстательство — заступничество.
Презорство — высокомерное пренебрежение.
Преизлиха, попреизлиха — чрезвычайно, весьма.
Прелагатай — лазутчик, шпи, соглядатай.
Прелесть — обман, заблуждение, соблазн, ересь.
Препретаться — убеждать, побеждать в споре.
Перековать — возражать, прекословить.
Приклякивать — преклоняться; припадать, обращаться с молитвой.
Прион — беспозвоночное морское животное.
Прокуда — колдовство, грех.
Протори — расходы, издержки.
Прузи — саранча.
Прягать — жарить в масле.
Пырскать — брызгать слюной, блевать, нападать.
Пыщить — пучить, надувать.

Растесать — рассечь.
Ратоваться — состязаться, спорить.
Рели — перекладина.
Ретиться — состязаться.
Ристать — бегать, носиться.
Рогозница — постель, подстилка, сплетенная из рогожи.
Родостама — розовая вода.
Роженье — колья, прутья.
Романья — сладкая виноградная настойка.
Ротиться — клясться.
Рында — телохраниль.

Свариться — ссориться.
Святба — святость.
Селитба — жилище, жилье.
Сикер — хмельной напиток, бражка.
Сиповщик — дудочник, свирельщик.
Скимен — львенок.
Складеньки — складная икона.
Сколец, сколка — раковина.
Скутаться — крыться.
Скуфья — остроконечная шапка черного или фиолетового цвета.
Сличный — подобный, равный.
Смотрение — предначертание; промысл.
Смущаться — беспокоиться, бояться.
Собство — свойство, сущность.
Совсельник — тот, кто поселился с другим в одном месте.
Сокромент — причастие (вино и хлеб).
Сошка — подставка.
Ставец — деревянная точеная миска.

Стень — тень, призрак.
Стерх — белый аист.
Стихер, стихера — вид хвалебного церковного песнопения.
Струб — сруб; здесь: деревянное сооружение в земле.
Студный — постыдный, позорный.
Стужать — усленно просить.
Стыр — спор.
Су — частица при обращении.
Сугубый — двойной.
Суторщина — вздор.
Сый — существующий, сущий, вечно сущий.

Таже — потом, после.
Торгати — бить, биться.
Точен — подобен, равен.
Точию — только, лишь.
Тоцно — скоро, поспешно.
Тружаться — заботиться, мучиться.
Туга — горе, кручина, печаль.
Тутнание — звучание, шум.

Убрус — платок.
Уд — часть тела (рука, палец и т. п.).
Уже, ужа — веревка.
Уметы — помет, грязь.
Уньший — лучший.
Уряжение — устройство, сооружение, сбруя.
Усмарь — сапожник.
Уставить — остановить.

Ферязь — верхняя комнатная одежда без воротника и перехвата, с длинными суживающимися рукавами.

Фиал, фиал — чаша, кубок.
Фигура — здесь: послание, написанное высоким слогом.
Фок — тюлень.
Фусточка — платок.

Хижа — лачуга, шалаш;

Чекан — топорик с молоточком на длинной (аршинной) рукоятке.
Чермный — темно-красный, багряный.

Шарпаться — скрести, нить.
Шелеп, шелепуга — плеть, кнут.
Шептун — знахарь, колдун.
Шниш — лазутчик, соглядатай.
Шпынский — шутовской, скомороший.
Шуляятка — живот, чрево.
Шурмовать — суетиться.

Юзилице — темница, тюрьма.
Юзы — узы, оковы, цепи.

Язя — болезнь, язва.
Ярыжка — низший служитель приказа.
Ясырь — пленник.

КОММЕНТАРИИ

Повесть временных лет

В год 6415.— Летосчисление в Древней Руси велось от «сотворения мира»; для перевода на современное литосчисление требуется отнять от древнерусской даты 5509 или 5508 лет.

3... замкнули Суд...— Константинополь расположен на полуострове, омываемом с юга Мраморным морем, с северо-востока — заливом Золотой Рог (Суд); поэтому и говорится, что русские корабли «оступили», т. е. окружили Константинополь.

«О пользе книг» — Данный отрывок взят из повествования об Ярославе Мудром.

Слово о погибели Русской земли

«Слово о погибели Русской земли» — это лишь отрывок не дошедшего до нас произведения о времени нашествия Батыев.

... Дышащее море...— Белое море и Северный Ледовитый океан.

Повесть о разорении Рязани Батыем

в списках в различных памятниках древнерусской литературы XIII—XV вв.

...санчакбеями...— военачальник, знаменосец («санчак» в тюркских языках — знамя).

Житие Александра Невского

«Повесть о житии Александра Невского» — памятник древнерусской культуры XIII в., представляющий собою житие и воинскую повесть. Создатель его — современник князя, книжник из окружения митрополита Кирилла.

...Иосиф — сын Иакова, согласно Библии, отличался красотой и умом; Самсон — библейский герой, наделенный необычайной силой, прославился подвигами в борьбе с филистимлянами; Соломон — царь, автор библейской Книги Притчей Соломоновых; Веспасиан — Веспасиан Тит Флавий (9—79 гг.) — римский император. Будучи полководцем при Нероне, за два года покорил почти всю Иудею.

...Западной страны... — Ливония.

...римлянами...— римлянами назывались сторонники католической веры, в том числе шведы, финны, норвежцы. Невская битва со шве-

дами произошла 15 июля 1240 г., недалеко от впадения реки Ижоры в Неву.

...как Иисуса Навина у Иерихона — Иисус Навин — библейский персонаж, после смерти Моисея, библейского пророка, выведшего израильтян из Египта, именно он возглавил борьбу израильского народа за земли Палестины. Согласно библейской легенде, крепостные стены Иерихона обрушились от криков и звука труб осаждавшего их израильского войска во главе с Иисусом Навином.

...от моря Хонужского... в сторону моря Варяжского... — от Каспийского моря до Балтийского.

...в восточной стране сильный царь... — хан Золотой Орды Батый.

...жены моавитские... — татарские (в данном тексте).

...вложить грамоту духовную... — имеется в виду текст разрешительной молитвы о прощении грехов, его после чтения вкладывали в правую руку умершего.

Житие Сергия Радонежского

Сергий Радонежский (1314—1391 гг.) — основатель Троицкого монастыря (ныне г. Загорск), сыгравшего большую роль в формировании и развитии русской культуры XIV—XVII вв.

...гроб его у нас и пред нами... — Автор жития Епифаний Премудрый был монахом Троице-Сергиева монастыря, где в Троицком соборе поконились останки Сергия. В 1408 г. монастырь был сожжен полчищами Едигея, в 1422—1423 гг. игуменом Никоном построен каменный Троицкий собор, где и была установлена рака с мощами Сергия.

...великому князю Ивану Даниловичу... — Иван Данилович Калита — великий князь Владимирский с 1328 по 1340 гг.

...князь Мамай... — Мамай — золотоордынский темник, провозгласивший себя ханом Золотой Орды в 1378 г., разбит на поле Куликовом русскими войсками под предводительством Дмитрия Донского в 1380 г., убит генуэзцами в Кафе (ныне Феодосия).

...еклисиарх — распорядитель в храме, в монастыре.

...плащаница — четырехугольное покрывало с изображением тела Христа в гробу; *погип* — богослужебный сосуд для вина — символ крови Христа.

Повесть о Петре и Февронии

...князя Петра... — предполагают, что историческим прототипом Петра был князь муромский Давид Юрьевич, умер в 1228 г., был женат на Февронии, во иночестве Ефросинье.

...от Агрикова меча... — Агрик — сказочный богатырь, владевший чудесным копьем из громовой стрелы и мечом-кладенцом.

Домострой

Домострой — выдающееся произведение русской литературы XVI века, свод нравственных норм и правил российского православного общества, состоящий из 64 наставлений, советов, поучений. Предтеча «Домостроя» — «Поучение» Владимира Мономаха. «Послание и наставление от отца к сыну» — это последняя, завершающая глава, написанная священником Сильвестром.

...все хозяйское у тебя было б всегда на счету...— авторы «Домостроя» в нескольких главах дают подробные советы, как вести домашнее хозяйство, «как дом свой лучше устроить», закрепляя тем самым традиции домоводства.

Житие протопопа Аввакума

...бысть затмение...— Аввакум неоднократно ошибается в датах затмения, что объясняется его желанием связать эти небесные явления с реформами патриарха Никона.

...имя ей Анастасия...— Анастасия — жена Аввакума Анастасия Марковна.

...и я, грешник, по Христе ревную, изгнал их...— В этом эпизоде отразилась борьба церкви и государства в середине XVII в. со скомоухами и «бесовскими игрищами» в целях сохранения «благочестия».

...блудолюбный образ— Шереметев следовал новой моде — брил бороду, чего не мог принять протопоп Аввакум, видя в этом порок мужеложства.

...пять слов государевых...— «Слово и дело государево» — такова формула, сопровождавшая донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении (до вступления на престол Екатерины II).

А боярыню ту...— Боярыня Морозова, как и протопоп Аввакум, была горячей защитницей идей старообрядчества. Дом ее был разорен, а жестокие пытки она терпела в Печорском монастыре, затем в Боровске.